СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Региональная общественная организация
«Сообщество профессиональных социологов»

Российский фонд фундаментальных исследований

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Сборник тезисов и материалов
VIII Междисциплинарной научной
конференции Угорского проекта
12–15 мая 2017 года

Под редакцией Н.Е. Покровского

Москва
Университетская книга
2017

УДК 304.4
ББК 60.54
С69

Издание осуществлено по результатам конференции, организованной при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – грант 17–06–20062

С69 Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера России. Сборник тезисов и материалов VIII Междисциплинарной научной конференции Угорского проекта (12–15 мая 2017 года) / Под редакцией Н. Е. Покровского. – Москва: Университетская книга, 2017. –136 с.

ISBN 978-5-98699-268-6

В сборник включены статьи, материалы и выступления участников VIII Междисциплинарной научной конфреренции «Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера Росси», организованной РОО «Сообщество профессиональных социологов» и прошедшей 12–15 мая 2017 года в деревне Медведево Мантуровского района Костромской области.

В материалах представлены результаты междисциплинарных экономико-социологических, социогеографических, социо-демографических и социокультурных исследований процессов, протекающих в сельских сообществах Ближнего Севера России.

УДК 304.4
ББК 60.54

ISBN 978-5-98699-268-6

© РОО Сообщество профессиональных социологов
© Коллектив авторов, 2017
© Университетская книга, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Раздел I
Внегородские пространства России: география, экономика, демография социология

А.И. Трейвиш. Многоликое расселение: о некоторых странностях одного из ключевых понятий социальной географии 7

Т.Г. Нефедова. Новые тенденции социально-экономического развития муниципалитетов Костромской области 12

У.Г. Николаева. Депопуляция сельского населения Ближнего Севера России и перспективы стабилизации социально-демографической и социально-экономической ситуации в периферийных сельских районах (в связи с принятием и началом реализации «Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года») 21

А.Н. Бочкарев. Масштабы и пространственная структура трудовых маятниковых миграций: исследование с использованием данных сотовых операторов (на примере столичного региона) 31

А.А. Медведев. Признаки наличного населения в депопулирующей сельской местности (по материалам дистанционных исследований) 37

А.Г. Махрова. Дачи в городе как элемент дезурбанизации в условиях урбанизированной среды 42

К.В. Аверкиева. Дача как место преимущественного проживания: от рекреации к дезурбанизации (на примере подмосковных СНТ) 50

М.С. Гунько. Отходники из малых городов – активная часть местного сообщества? Исследование участия в городском

развитии разных групп населения на примере малых городов Невель, Касимов и Киров 55

А.В. Старикова. Трудовая мобильность, рынок труда, маятниковые миграции и занятость: осмысляя опыт Баварии..... 60

Раздел II
Новые/старые смыслы внегородской среды

Н.Е. Покровский. «По эту сторону принципа удовольствия». Формы кризисного «потребления города» и их дезурбанизационная альтернатива 71

В.И. Ильин. Двумирность как принцип социальной трансформации континуума «город-деревня» 77

А.Ю. Макшанчикова. Дезурбанизация и проблема социального аспекта труда 82

Е.А. Никишин. Дезурбанизация в современной России и проблема социального эскейпизма: история и перспективы исследовательских подходов 88

Раздел III
Социокультурные процессы, коммуникативные практики и социальная сплоченность в малых городах и сельских сообществах

У.Г. Николаева. Социальная сплоченность и неформальные сети взаимопомощи в сельских сообществах: теоретические подходы и анализ конкретных кейсов 95

Н.Е. Покровский. Инициативные проекты трансформаций локальных сообществ во внегородской России 101

Д.С. Яцкова. Молодые учителя – выпускники ведущих вузов в сельских школах (анализ концепции и результатов программы «Учитель для России»).....107

Е.А. Николаюк. Влияние самосохранительного поведения молодежи на смертность: ранговый и корреляционный анализ (по данным ВОЗ).....113

В.А. Шилова. Коммуникативные практики сельской молодежи России на рынке труда 118

Заключение 123

Сведения об авторах 133

ВВЕДЕНИЕ

VIII Междисциплинарная научная конференция «Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера России», организованная РОО «Сообщество профессиональных социологов» и прошедшая 12–15 мая 2017 года в деревне Медведево Костромской области, была сфокусирована на обсуждении проблем междисциплинарного взаимодействия социологии, социальной и экономической географии, экономики природопользования, демографии, а также теории социокультурной деятельности в решении фундаментальной научной задачи изучения перспектив комплексного социального и социально-экономического развития сельских сообществ Ближнего Севера России.

Ежегодные конференции Угорского проекта, организуемые РОО «Сообщество профессиональных социологов», в том числе и VIII междисциплинарная конференция в Медведево – площадка для обсуждения результатов многолетних междисциплинарных научных исследований в регионе Ближнего Севера России. Особое внимание на конференции и в представленных научных материалах уделено оценке перспектив использования современных социологических, социогеографических, социодемографических методов, позволяющих нарисовать реальную социальную, демографическую и социально-экономическую ситуацию в регионе, выявить значимые тренды развития, наметить возможные пути стабилизации и, возможно, даже улучшения.

Первый раздел сборника **«Периферийные территории Ближнего Севера vs. агломерационные зоны: социальная география, социология, демография»** посвящен проблемам хозяйственного и рекреационного использования земель, изменений хозяйственно-экономического профиля индиви-

дуальных и коллективных сельских хозяйств, социально-демографическим процессам, трудовым и рекреационным маятниковым миграциям, а также перспективам использования новых методов и информационных технологий, в том числе возможностей использования космических снимков, данных сотовых операторов и Big data в социогеографии.

Второй раздел **«Новые/старые смыслы внегородской среды»** посвящен проблемам кризиса городской цивилизации и общества потребления, поиска новых смыслов и ценностей во внегородской среде, процессам дезурбанизации и формирования новых смешанных сельско-городских сообществ.

Третий раздел сборника **«Социокультурные процессы, коммуникативные практики и социальная сплоченность в сельских сообществах»** посвящен социологическому анализу общих проблем жизни сельских жителей и конкретных социокультурных практик в сельских сообществах, анализу реципрокных отношений и взаимопомощи на селе, выявлению структуры ценностей сельских жителей и жителей малых городов, особенностей поведения молодежи, а также исследованию особенностей самосохранительного поведения.

доктор социологических наук,
профессор,
Президент РОО «Сообщество
профессиональных социологов»
Н. Е. Покровский

Раздел I
ВНЕГОРОДСКИЕ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ДЕМОГРАФИЯ СОЦИОЛОГИЯ

А.И. Трейвиш
Институт географии РАН

МНОГОЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ: О НЕКОТОРЫХ СТРАННОСТЯХ ОДНОГО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ[1]

Странностями здесь (возможно, с натяжкой) названы противоречия, сложности или неясности. К ним не относится то, что термин заимствован у биологов, понимающих под ним распространение живых существ, часто связанное с их размножением.

Расселение человеческого населения в широкой трактовке (Демографический энциклопедический словарь, 1985 г. под ред. Д. И. Валентея и др.) это процесс его распределения и перераспределения по территории, особенно в ходе переселений, и сам результат: размещение, сеть или система поселений, их связей, включая маятниковую, сезонную и прочую циркуляцию людей между ними. Сложности возникают из-за емкости понятия, обнимающего *процесс* и *состояние*: эволюцию и физиологию, как сказал бы биолог, развитие и функционирование в терминах, привычных для наук об обществе. Но они не уникальны, так как относятся и к размещению из определения расселения, к любой организации, в т.ч. территориальной (в отличие от структуры), к урбанизации, интеграции и т.д. и т.п. Необычно лишь обилие русских слов с корнем «сел»; отсюда муки у редактора фраз вроде *«Край*

[1] Работа написана в рамках реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов» проекта РФФИ № 17–06–00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

заселяли путем переселения населения из поселения в поселение».

Все это проблемы терминов, живущих по двойным нормам, т.е. сидящих на двух стульях: ученой логики и живого языка. Тем паче – языков и переводчиков, коим бывает трудно передать, скажем, по-английски смысл того же расселения: *(re)settling*, *settlement system* или, может, *network?*.. Но главные «странности» кроются в сути явления и, видимо, связаны с его многомерностью и многоликостью (полиаспектностью), тогда как публика обычно взыскует прямоты и простоты.

У расселения и формируемого им обжитого пространства можно обнаружить три стороны, аспекта или ипостаси (такое деление предложила, но, кажется, еще нигде не публиковала О. Б. Глезер):

- само население, жители, люди со всеми их многосложными свойствами;
- поселения с их территорией, архитектурой, коммуникациями и т.д.;
- места посещения без постоянного (ночного) населения с лесами, полями, нежилой застройкой.

Далее в докладе они рассматриваются по порядку.

Население – конечно, главная «субстанция». Проблем с ней немало, начиная с базового параметра, численности. Сколько жителей в таком-то месте? Есть переписи, текущая регистрация, но не точные реальные цифры. Переписи подменяют полицейским учетом, из них выпадаетя понятие наличного населения, а постоянное – фикция, особенно на полюсах. «Лужковские» 10,4 млн чел. в Москве 2002 г. (ныне уже 12,4) – это на 1,5 млн больше, чем считали прежде. Притом зимой в будний день, по нашей оценке на 2010 г., – 14 млн, а летом в выходной – 5. В дер. Медведево, где идет наша конференция, по переписи значились 8 чел. в 4 домах, а зимой их фактически 4–5 в 2 домах (старушек берут в город, мужчины иногда идут в отход). Зато в дни конференции в мае наличное население вырастает в десятки раз, и все лето оно за счет дачников куда больше летнего.

Проблема состоит в мобильности людей и потому в непостоянстве населения мест. Мобильный человек, писали классики

хроногеографии, имеет свойства кванта: неделимой частицы и вместе с тем «волны» (или оперного Фигаро: то он здесь, то там). А население пульсирует во времени как на обжитых землях, так и на необжитых. Расселение вообще – не просто сеть дискретных пунктов, скорее это поля жизнедеятельности.

Поселения (населенные места) тоже неоднородны. Их обычно делят на городские и сельские, но неизвесно, сколько тех и других в мире, в т.ч. из-за разных цензов и признаков отличия. Порой такого официального деления вовсе нет, как в Швеции с 1970-х гг., в Финляндии – с 1990-х. К тому же они крайне разнообразны и многолики. Это отражают полярные суждения типа «*Город – он и в Африке город*» либо «*Что такое город, скажет всякий, кроме урбаниста*» (Г. Майнер, автор книги «Город в современной Африке», 1953). В чем же проблема урбаниста? Да именно в его кругозоре, в знании слишком многих конкретных вариантов города.

Признаки разнообразия поселений (они же типологические) суть таковы:

- статус: официальный ранг, позиция в ряду других ячеек расселения;
- размер: население, площадь, значение в регионе, стране, мире, функции;
- географическое положение и «фоновый» ландшафт;
- генезис (возраст) и судьба (путь, траектория развития);
- социально-экономическое состояние (благополучие);
- облик (архитектура, планировка), инженерное и социальное обустройство;
- восприятие, образ (имидж, репуация) извне и изнутри.

В докладе эти признаки рассмотрены выборочно. Отмечено обилие официальных статусов-типов дореволюционных поселений России, немыслимое с точки зрения современного чиновника: губерские, уездные и заштатные города, полугородские посады, слободы, пригороды, заводы, местечки, крепости, села, деревни, станицы, хутора и др. Функциональные и географические типологии активно разрабатывались ранее, но теперь почти выпали из научного мейнстрима. Исторические категории варьируют от эфемеров вроде «златокипящей» Мангазеи,

пушной фактории, простоявшей на р. Таз в XVII веке около 60 лет и заброшенной, до патриархов типа Дербента, известного в роли «стража каспийских ворот», как минимум, с V века до н.э., не раз завоеванного, разрушенного, но доросшего в наши дни до большого города (свыше 100 тыс. жителей).

У своеобразия и однообразия вообще, в т.ч. применительно к поселениям, есть свои плюсы и минусы, в т.ч. для ориентации и самочувствия их постоянных жителей и гостей, временных визитеров. Кстати, это нечто иное, чем подобие и различие самих людей. Так, в стандартных городских джунглях люди и отношения с ними бывают самыми разными, на чем, например, основана фабула знаменитого фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или с легким паром».

Нежилые посещаемые места тоже крайне многообразны. Диапазон – от глухих и диких (*untamed*), где нога геолога, туриста, кочевника время от времени ступает, но постоянных жителей и поселений нет, до городских и пригородных: индустриально-логистических, притрассовых (с толпами днем, но не ночью), дачных и др.

Вокруг сельской части расселения и понятия сельской местности ведется латентная дискуссия, в том числе внутрисемейная: у Т. Нефедовой с А. Трейвишем. По мнению первой, к такой местности можно относить любую внегородскую, тогда как автор доклада считает, что корень «-сел-» требует заселенности, лучше постоянной и даже оседлой, а те места, где люди бывают редко и следы их малозаметны, следует рассматривать как естественные ландшафты (местность и ландшафт я считаю понятиями из одного ряда).

В начале XX века на территории современной РФ статистика насчитывала до 250 тыс. постоянно обитаемых селений, в середине XX в. – около 300 тыс., в 2010 г. – 133 тысячи. В старой России существовала обратная связь между средним размером и плотностью, близостью селений друг к другу. Сейчас ее нет, зато резко выросла зависимость сельского расселения от сети городов. На один город (по статусу пункта) в стране сейчас приходится 15 тыс. км^2 территории (это площадь Черногории, где имеется 21 город), на Дальнем Вос-

токе – 90 тыс. км^2 (что равно территории Венгрии с ее тремя сотнями городов). Среднее расчетное расстояние ближайшего соседства между средними и большими городами размером 50 тыс. чел. и более в 2010 г. варьировало от первых десятков километров под Москвой до 500–1000 км и более в ряде восточных регионов. Социальные эффекты разреженности пространства многочисленны и требуют отдельного анализа.

Последний вопрос, ставящийся в докладе, упрощенно звучит так: где на Руси жить хорошо? Имеется в виду, конечно, тип расселения (поселения), их среда. Вряд ли это полярные типы: изъяны как традиционной деревни, так и мегаполиса-монстра известны. Поиски золотой середины давно ведут ученые и практики. В числе идей последних 100–120 лет город-сад Э. Ховарда, «пространный город» из края в край страны (*broadacre city*) Ф.-Л. Райта, эйкуменополис К. Доксиадиса и т.д. Однако реальные «середины», сельско-городские континуумы в городках, пригородах, агломерациях, мегалополисах, трудно признать золотыми, проблемы у них свои, часто не меньшие, чем в глухой деревне и многомиллионном гипер-городе.

Самые сжатые выводы доклада могут звучать как известные истины, трюизмы, но это не отменяет их значения:

1. Расселение многолико, многослойно, изменчиво, противоречиво, трудноуловимо (и оно такое не одно).
2. Расселение таково, каково общество в данное время на данной территории.
3. В свою очередь, общество и территория таковы, каково расселение (оно, в свою очередь, тоже их формирует).
4. Идеального расселения нет и, вероятно, быть не может.
5. В этих условиях важно, чтобы у людей была хотя бы возможность выбора, чередования мест, занятий, образов жизни.
6. Поэтому нужна и важна мобильность – одна из форм модернизации социума и расселения.

Литература

1. Демографический энциклопедический словарь / Под ред. Д. И. Валентея. – М., 1985.

2. Между домом и... домом / Под ред. Т. Г. Нефедовой и А. И. Трейвиша. – М., 2016.
3. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

Т.Г. Нефедова
Институт географии РАН

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Введение. Костромская область на фоне регионов России

Восстановление экономики (ВВП) России в 2000-х гг. не означало возврата к ее прежней структуре. Доля промышленности еще в 1990-х гг. всюду быстро падала. Кризис многих предприятий обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения и предприятий, перерабатывающих местное сырье, заметно влиял на общее экономическое состояние городов, особенно небольших, где такие предприятия часто были основным работодателем. Доля убыточных предприятий в городах резко выросла в 1990-х гг. и начала постепенно уменьшаться после дефолта. Но и к 2013 г. каждое третье крупное и среднее предприятие в городах России было убыточным.

При этом все более явно проступала закономерность: чем меньше город, тем выше вероятность его экономической и социально-демографической депрессии. Помимо размера важно местоположение и статус города [Нефедова, Трейвиш, 2010; Зубаревич, 2010, Мрктчян, 2011]. Наиболее привлека-

[1] Статья написана в рамках реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов» проекта РФФИ № 15–06–08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ»

тельными в последние годы стали крупные центры с развитой сферой услуг и активным оборотом индивидуальных денежных средств. При этом текущие кризисные изменения меняли показатели, но их соотношение в городах разного размера оставалось стабильным. В Нечерноземье это были региональные столицы и города с населением более 250 тысяч жителей. Хотя для этих областей, окружающих столичный регион, все официальные цифры прибавки населения не соответствуют действительности, поскольку значительная часть трудоспособного населения – отходники, которые работают в столицах или рядом с ними [Между домом и... домом, 2016].

Поляризация сельской местности и аграрной экономики привела к расслоению районов на относительно успешные южные и пригородные, с крупными агрохолдингами, фермерскими хозяйствами, и депрессивные, с заброшенными полями и фермами. В Нечерноземье, особенно на периферии регионов, упадок сельского хозяйства во многом был связан с его неэффективностью в сложных природных условиях, оттоком и постарением населения еще в советское время. Главным фактором его сокращения были именно миграции, достигшие в позднесоветский период максимальных параметров в Европейской части России [Мкртчян, 2013; Нефедова, 2013]. В условиях малой плотности населения, инфраструктурной необустроенности и социальной запущенности деревень отъезд молодых и наиболее активных жителей неизбежно приводил к деградации социальной среды, а это, в свою очередь, выталкивало молодое и средневозрастное население в города. Депопуляция, таким образом, стала доминирующей социально-демографической тенденцией в сельских районах Ближнего Севера [Денисенко, Николаева, 2015].

Реформы 1990-х гг. вызвали разную реакцию предприятий на кризис и способствовали углублению очагов депрессии сельской местности. Подъем сельского хозяйства в 2000-х гг. почти восполнил потери 1990-х. Однако, несмотря на увеличение валового производства, посевная площадь сокращалась вплоть до 2007 г. и продолжает сокращаться в районах со сложными природными условиями, испытавших сильную

депопуляцию. Поголовье крупного рогатого скота, несмотря на попытки его восстановления в отдельных крупных агрохолдингах, в целом по стране уменьшается [Нефедова, 2017]. Это говорит об избирательности восстановления сельского хозяйства в 2000–2010-е годы. Общий «сдвиг» сельского хозяйства в южные регионы России стал отражением нормального для рыночных условий территориального разделения труда – производство стремится в регионы, обеспеченные природными и трудовыми ресурсами; туда же стягиваются и капиталы.

Специфика Костромской области

Кострома как центр субъекта РФ в макроэкономическом плане может быть отнесена к типичному нечерноземному региону Ближнего Севера [Потенциал, 2014] и к периферии Центрального федерального округа, находясь на его окраине. Еще в большей степени это касается всей Костромской области. Во многом это определило и благополучие ее городов.

Города области, кроме столицы региона, в большинстве своем заметно теряют население. Кострома с ее 273 тыс. жителей в 2014 г. уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (602 тысяч), Иваново (409 тысяч). Поэтому ее влияние распространяется на небольшую территорию, тем более что Кострома расположена в юго-западном углу области, вытянутой более чем на 300 км. По существу оно охватывает муниципальные районы-соседи первого и второго порядков соседства. Кроме столицы в регионе нет больших городов. Городской округ Шарья на востоке (удаленный от региональной столицы на 260 км) в 7 раз меньше Костромы.

В 2000-х гг. наметились основные точки экономического роста региона: Кострома, Волгореченск недалеко от нее, где расположена Костромская ГРЭС и трубный завод, входящий в структуру «Газпрома», а также Шарья на востоке области, все больше берущая на себя роль второго центра региона, в т.ч. и из-за эксцентриситета его столицы.

Экономическое положение городов Костромской области на фоне других российских городов неблагополучно. Во всех городах зарплата не сильно превышала прожиточный ми-

нимум (в 1,5–2 раза), за исключением Костромы и Волгореченска. Однако тратили люди свои деньги часто в Костроме, которая выделяется по объему розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения, или в других крупных центрах за пределами области. Кострома и Волгореченск отличаются и по темпам/объемам ввода жилья, что служит хорошим индикатором общей экономической активности. От них заметно отстают Шарья и Галич. Вместе с Буем и Нерехтой их все же можно отнести к группе городов-»середняков», которые отчасти сохранили промышленные производства или привлекли новые инвестиции, например завод древесно-стружечных плит «КроноСтар» в Шарье. Остальные города пытаются выживать, опираясь на лесопереработку и местную пищевую индустрию там, где они сохранились. Жизнь во многих малых городах замерла, почти ничего не строится, большая часть их территории – сельские дома, не обустроенные даже элементарными удобствами.

Сельская местность Костромской области также весьма контрастна. Большинство регионов потеряли в XX веке большую часть сельского населения. И даже за последние 25 лет потери сельского населения составили 30 %. И прежде население максимально концентрировалось вдоль Волги и вблизи Костромы на юго-западе Костромской губернии. Сейчас из-за эксцентриситета столицы региона плотность сельского населения особенно резко падает на восток, причем эта ситуация сложилась задолго до 1990 г. и сохраняется. Только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения, в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети. А сильное сокращение посевной площади и поголовья скота началось еще с 1980-х гг.

Тем не менее, в отдельных очагах, особенно в пригородном районе, где сосредоточены четверть всего населения и сельскохозяйственного производства, экономика развивается. «Шуваловские колбасы», созданные на базе свиноводческого комплекса в пригороде Костромы, и знаменитая продуктивная караваевская костромская порода коров, стали брендом

Костромской области (хотя на периферии области от нее получают лишь четверть надоев молока, на которые она способна). В некоторых районах работают филиалы региональных агрохолдингов. Однако пищевая промышленность нуждается в стабильной сельскохозяйственной базе, которая при сильном упадке агропроизводства за пределами пригородного района оказалась ненадежной. На сельскохозяйственных предприятиях области в последние годы официально было занято до 20 % работающих в сельской местности. Однако привлекают всех работников в основном в страду. Леса во многих районах занимают большую часть территории, наибольшая лесистость на севере и востоке области. Там добыча и переработка леса составляет основную занятость населения.

Объединение сельских поселений – сохранение населения или опустынивание территории?

Отток сельского населения в периферийных нечерноземных регионах в последние годы усилила политика объединения сельских поселений, так как она сопровождалась закрытием школ, фельдшерских пунктов, клубов, библиотек. При кризисе местообразующих отраслей (сельского и лесного хозяйства) сельская местность отчасти держалась за счет занятости в бюджетной сфере. Особенно это касалось занятости женщин, которая при объединении поселений заметно сократилась: сельских учителей и занятых в фельдшерских пунктах – в 2 раза с 2000 г. [Смыслы сельской жизни, 2016].

Кандидатами на объединение обычно становятся сельские поселения (бывшие сельские администрации) с численностью менее 500 жителей. Если учесть, что в такие сельские поселения включают в среднем около 10 небольших деревень, удаленных в Нечерноземье от бывшего центра на 2–10 км, то объединение хотя бы двух поселений с переносом центра «удаляет» окраинные деревни на 20–25 км при отсутствии проезжих дорог и общественного транспорта. Это делает социальную инфраструктуру не только для местных жителей, но и для приезжающих на лето в деревню дачников практически недоступной.

Процесс объединения сельских поселений активизировался в 2000-х гг. Но проследить его оказалось возможным с 2012 г., когда Росстатом стали ежегодно публиковаться данные по сельским поселениям. Многие области Нечерноземья (Владимирская, Ярославская) испытали его на себе раньше. Другие (рис. 1) были охвачены им в 2012–2016 гг. (Тульская, Псковская, Вологодская, Калининградская). В ряде областей еще есть «простор деятельности» чиновников, в том числе в Костромской области, где до трети сельских поселений имеют менее 500 жителей (рис. 2).

В таких областях, как Костромская, это особенно опасно, поскольку население рассредоточено, и основной занятостью на периферии стала занятость в бюжетной сфере (рис. 3).

Среди муниципалитетов Костромской области наименьшей занятостью в бюджетной сфере характеризуются пригородные сельские районы на юго-западе и расположенные рядом с ними, поскольку есть работа в ключевых отраслях и в городах. Наибольшие проблемы с занятостью характер-

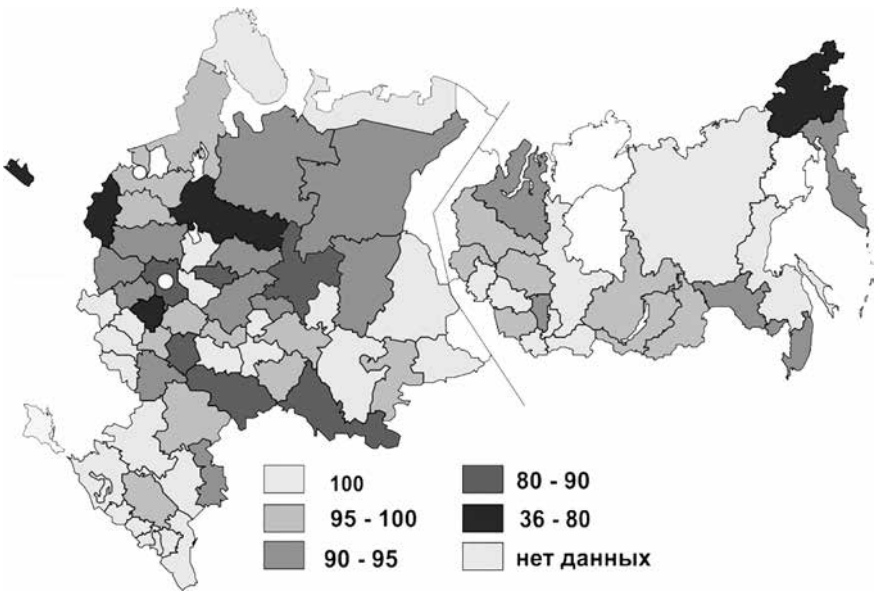

Рис. 1. Динамика числа сельских поселений (бывших сельских администраций), 2016 г. в% к 2012 г.

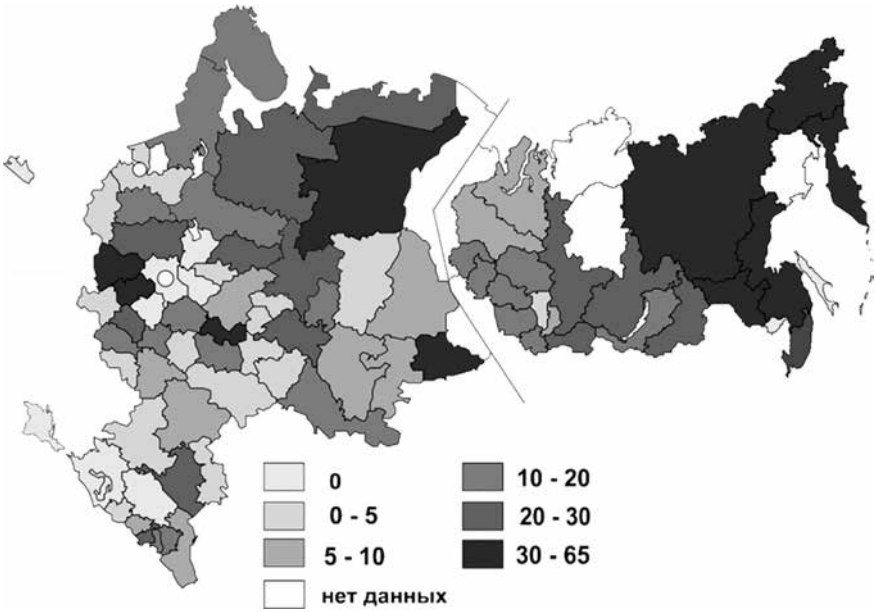

Рис. 2. Доля сельских поселений (бывших сельских администраций) с числом жителей менее 500 человек, 2016 г.

ны для сильно удаленных районов и для «срединных» между городами (глубинки). Здесь занятость в бюджетной сфере составляет более 70 и даже 80 % всех занятых, и ее сокращение может вызвать катастрофические последствия усиления оттока сельских жителей.

Заключение

Костромская область представляет собой типичный регион нечерноземной Европейской части России, проблемы которого отчасти усилены недостаточным влиянием на его территорию областного центра. В последние годы основными тенденциями стало усиление сжатия освоенного пространства и продолжающийся отток населения. Попытки восстановления экономики после кризиса 1990-х гг. носят очаговый характер.

В таких депопулировавших районах с рассредоточенным населением особенно важно сохранение остатков имеющей-

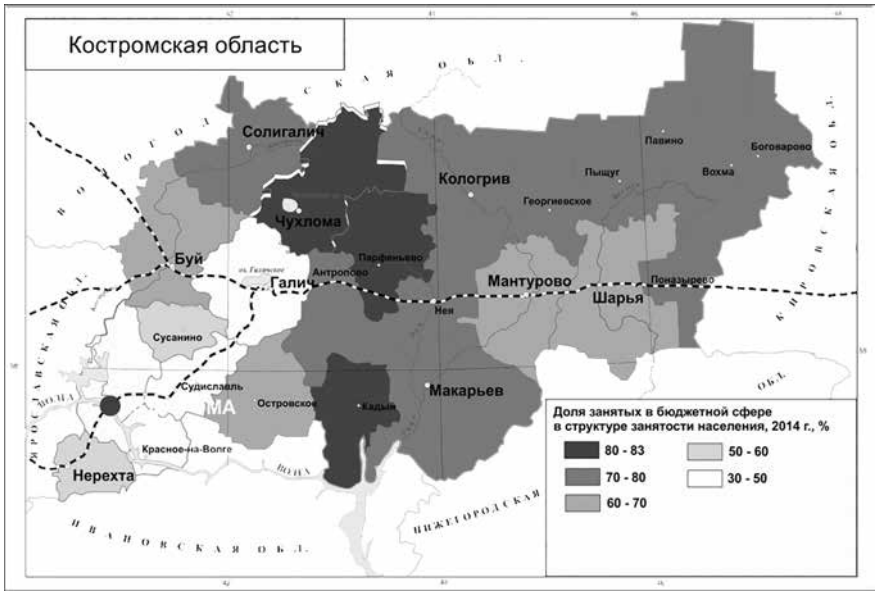

Рис. 3. Доля занятых в бюджетной сфере в муниципальных районах Костромской области в общей структуре занятости, в%

ся инфраструктуры, хотя бы отчасти задерживающей отток постоянного населения и привлекающей горожан-дачников, увеличивающих в летний сезон численность населения в наиболее привлекательных районах (по берегам рек Волги, Унжи, Немды, Неи, Ветлуги) в несколько раз. Это способствует сохранению деревень и общей освоенности и жизнеспособности территории [Между домом и домом, 2016].

Последние годы показали, что взятый, в том числе в целях экономии бюджетных средств, курс на объединение сельских поселений оказывается для таких территорий губительным. Декларируемая цель – улучшение обслуживания населения путем концентрации инфраструктуры в крупных селах и районных центрах – обернулась резким ухудшением реально достижимых для населения объектов социальной и бытовой инфраструктуры при больших расстояниях, плохих дорогах и отсутствии общественного транспорта. Это не только выталкивает местное население,

но и отталкивает дачников, что ведет к усилению опустынивания огромных староосвоенных территорий и потере социального контроля над ними.

Литература

1. *Денисенко М.Б., Николаева У.Г.* Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования, 2015, № 12. С. 70–81.
2. *Зубаревич Н.В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики. 2010. 160 с.
3. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. Авторы К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
4. *Мкртчян Н.В.* Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2011. с. 416–430.
5. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века//Известия РАН. Серия географическая, 2013, № 6, с. 19–301.
6. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования, № 2, 2010.
7. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013 (2-е Изд. 2017) – 456 с.
8. *Нефедова Т.Г.* 25 лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН, сер. Геогр., № 5, 2017. С. 8–19.
9. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014, 492 с.

У.Г. Николаева
МГУ имени М.В. Ломоносова

ДЕПОПУЛЯЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ (В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ И НАЧАЛОМ РЕАЛИЗАЦИИ «СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДО 2030 ГОДА»)[1]

В сельских районах Ближнего Севера России в последние три десятилетия происходит неуклонное сокращение зон хозяйственной активности, выведены из сельскохозяйственного оборота тысячи гектаров пахотной земли, сокращается число рабочих мест, и вместе с этим сокращается население. Исследовательской группой (членом которой является и автор данной статьи), работающей в течение нескольких лет над проблемами демографического развития сельских районов Ближнего Севера в рамках Угорского проекта (рук. Н.Е. Покровский), в качестве полигона была выбрана Костромская область – один из наиболее типичных среднедепрессивных регионов российского Нечерноземья. Спецификой этого региона стала устойчивая депопуляции, особенно в периферийных сельских районах.

С 1991 года в большинстве районов Ближнего Севера России, в том числе в Костромской области, смертность по данным переписей населения устойчиво превышает рождаемость. Так, например, в ряде районов Костромской области, прежде всего средне- и дальнепериферийных, численность населения только в межпереписной период (с 2003 по 2010 год) сократилась более чем на 20% (Антроповский, Вохомский, Галичский, Кологривский, Октябрьский районы), а в Межев-

[1] В данной публикации нашли отражение результаты исследований по гранту РФФИ 15-06-08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ», реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

ском и Мантуровском районах численность населения в начале 2011 г. была на четверть (!) меньше по сравнению с началом 2003 г. Это очень высокие темпы убыли населения, сопоставимые с темпами депопуляции в Сибири и на Дальнем Востоке.

В Костромской области за последние 20 лет было выведено из оборота более 460 тыс. га или 64 % пашни по отношению к размерам пашни 1990 года. Поражают и масштабы сокращения численности населения: так, например, в классическом периферийном Мантуровском районе в 1990 году проживало 9,1 тыс. человек, в 2009 г. – 5,7 тыс., в 2016 году – 4,2 тыс. человек. Плотность сельского населения в Мантуровском районе типична для периферии: 2 человека на кв. км (для сравнения: в пригородном Костромском районе – 22 человека на кв. км). Ежегодная естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) – около 17 человек на 1000 жителей – более чем в два раза превышает среднеобластные показатели (7 человек); миграционная убыль в 9 раз превышает среднеобластные показатели; из 2,8 тыс. трудоспособного населения в Мантуровском районе занято только 1,6 тыс. человек (безработица, «отходничество» в города).

Даже самые общие цифры говорят сами за себя (см. табл.).

Привлекает внимание и в целом очень низкая продолжительность жизни мужского сельского населения, особенно в периферийных районах Костромской области, зафиксированная еще в межпереписной период (например, 52–53 лет ожидаемая продолжительность жизин мужского населения зафиксирована в 2002–2004 годах в периферийных сельских районах Костромской области – *Макарьевском, Поназыревском, Шарьинском и Октябрьском*). Продолжительность жизни сельского населения Ближнего Севера в последнее десятилетие растет, как и в России в целом, но не так быстро и остается сравнительно низкой.

Для сельских районов Ближнего Севера характерен низкий уровень использования труда мигрантов из Средней Азии и других районов бывшего Советского Союза, что не позволяет компенсировать усиливающийся отток молодежи и людей в трудоспособных возрастах в столичные центры.

Таблица

Численность постоянного населения Костромской области за 100 лет (тыс. чел.)*

Год	Все население	Городское население	Сельское население	Кострома
1897	992	71	921	41
1926	1081	128	953	74
1939	1077	239	838	121
1959	922	366	556	172
1970	871	465	406	231
1979	804	513	291	268
1989	810	555	255	294
2002	737	496	240	279
2010	668	467	201	270
2015	654	466	188	274

* в современных границах

Источники: 1897 – оценки М. Б. Денисенко; Госкомстат России; Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998; Росстат. Итоги Всероссийской переписи 2002 г; Росстат, Итоги Всероссийской переписи 2010 гг. см.http://www.gks.ru/

Темпы сокращения сельского населения в районах российского Нечерноземья, особенно в сельских районах, сопоставимы, и даже превышают темпы депопуляции на Дальнем Востоке и Сибири [Денисенко М. Б., Николаева У. Г., 2014]. Это объясняется наложением друг на друга и взаимным усилением нескольких факторов: *климатических и географических* (низкое плодородие почв, относительно холодный климат, высокие риски в сельском хозяйстве и др.) [Нефедова Т.Г, Терейвиш А. И., 2014], *экономических и экономико-политических* (трудности перехода от советской к рыночной медели в сельском хозяйстве, отсутствие достаточной и реальной государственной поддержки фермерства и мелкого сельского хозяйства, распространение трудосберегающих технологий, использующихся возникающими агрохолдингами и др.), *социальных* (низкая социальная активность и назкая лабильность сельского населения, потеря трудовых

навыков, высокий уровень алкоголизма и др.), *общедемографических* (демографический переход, старение население, снижение рождаемости, отток молодежи в города), общецивилизационных (незавершенная урбанизация) и некоторых других.

Основные слагающие депопуляции: высокая смертность населения в трудоспособных возрастах, миграция молодежи и людей среднего возраста в города, деформации в половозрастной структуре с преобладанием пожилого населения и малой доли детей. Присутствуют существенные демографические различия между муниципальными образованиями внутри Костромской области, а также внутрирайонные различия между поселениями, что подтверждает важность социально-демографических исследований именно на первичном (муниципальном и даже более локальном) уровне.

Важными внешними факторами, оказывающими негативное влияние в последние годы на экономическую ситуацию в области и темпы депопуляции в сельских районах Нечерноземья, становятся, как показали иследования Угорского проекта [Потенциал Ближнего Севера, 2014 и др.], такие как: сокращение рабочих мест, особенно в «государственном» секторе (должности библиотекарей, клубных работников, медицинских работников, почтальонов и др.), ликвидация малокомплектных сельских школ и, как следствие, усложение для родителей и детей транспортной доступности детских садов и школ, оптимизация в сфере здравоохранения и ликвидация местных стационаров, снижение доступности государственных учреждений и локальных административных центров вследствие их укрупнения и другие.

В феврале 2015 года распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. No 151-р была принята «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегия), которая по своим основным целям и задачам «направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и эко-

номический потенциал сельских территорий и обеспечит выполнение ими общенациональных функций – производственной, демографической, трудоресурсной, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий» [Стратегия, 2016, С. 4].

В стратегии дается вполне объективный анализ социальных и экономических проблем сельских территорий, полностью совпадающий с многими материалами и выводами исследований Угорского проекта. В Стратегии отмечается, что «развитие сельских территорий сегодня происходит крайне неравномерно», и что «несмотря на динамичный рост агропромышленного комплекса, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстают от уровня жизни в городах», «сужается доступ населения к услугам организаций социальной сферы, углубляется информационный и инновационный разрыв между городской и сельской местностью, что ведет к росту миграционного оттока сельского населения, к утрате освоенности сельских территорий» [Стратегия, 2015, С. 4].

В Стратегии, в частности, указано, что очень низким остается уровень газификации сельских населенных пунктов (на начало 2014 г. он составил 56,5 %), уровень обеспечения питьевой водой населения в 2013 году составлял 59,6 %, а удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих водоотведение, составлял всего 5 % (по городам – 98 %). Число школ в сельской местности с 2008 по 2015 годы сократилось более чем на 12 тыс. (при их общем количестве около 32 тысяч). Численность организаций здравоохранения в сельской местности резко сокращается; по сравнению с 2000 годом количеств поликлиник сократилось на 65 %, фельдшерско-акушерских пунктов – на 22 %, станций скорой помощи – на 11 %, численность среднего медицинского персонала – на 9 % (там же, с. 9–10). Указано, что в России доля занятых в основных отраслях сельской экономики (сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство) с 2000 по 2013 г. сократилась с 49 до 23 % от общего числа занятых

в сельской местности; заработная плата в сельском хозяйстве на протяжении последних лет была в среднем стабильно в 2 раза ниже средней по экономике.

При сохранении сложившихся тенденций в развитии сельских территорий, характеризующихся низким качеством и уровнем жизни, оттоке наиболее перспективных молодых кадров, как подтверждают социологические исследования, и как указано в Стратегии, продолжится, что при темпах старения населения, высокой смертности в трудоспособных возрастах и в целом относительно низкой продолжительности жизни сельских жителей, надежд на стабилизацию социально-экономической ситуации и достижение целей устойчивого развития, к сожалению, не много.

Исследователи Угорского проекта отмечают, что в последние 2–3 года наметились некоторые позитивные сдвиги в жизни сельчан: появились мобильные банковские услуги (выезд банковских операторов с аппаратурой в удаленные села), время от времени проводится диспансеризация местных жителей мобильными медицинскими бригадами. Однако в целом образовательные и медицинские услуги (в связи с сокращением малокомплектных школ и фельдшерских пунктов, отменой многих регулярных автобусных маршрутов, связывающих деревни с районными центрами), стали гораздо менее доступными, особенно для жителей удаленных периферийных деревень. Обезлюдение деревень, отъезд в города молодежи и людей среднего возраста, создают в удаленных селениях атмосферу социальной подавленности, безысходности, апатии. Как говорят в интервью многие местные сельские жители: «мы здесь просто доживаем, после нас здесь уже ничего не будет – ни людей, ни сельского хозяйства».

Позитивное влияние на общую социальную и социально-экономическую ситуацию в сельских поселениях оказывает активность приезжающих из городов дачников, покупающих пустеющие деревенские дома, обеспечивающих обкос домов и близлежащих территорий, вносящих свой немаловажный вклад в сохранение и поддержание сельской инфраструктуры

(ремонт дорог и др.). Летом, когда население деревень и сел за счет дачников увеличивается в 2–5 раз, в деревни приезжают торговые лавки, улучшаются дороги, городские дети играют с местными детьми-сверстниками [Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. и др. Между домом и... домом, 2016; Горожане в деревне, 2016].

Городские дачники оказываются источником создания временных рабочих мест, пусть и неформальных, поскольку дачники – главные покупатели «даров» леса (ягод, грибов), дачники постоянно заказывают у местных жителей починку дома, ремонт и строительство сараев, покос травы, чистку колодцев и др. Многие дачники заказывают весной посадку овощей. Если кто-то в деревне продолжает держать коров, коз и овец, дачники летом становятся главными покупателями молока и молочных продуктов.

Позитивность фактора рекреационной миграции, в первую очередь дачников, осознана авторами «Стратегии устойчивого развитии сельских территорий РФ до 2030 года», в документе четко фигурирует в качестве цели и задачи: «сохранение и восстановление природных и аграрных ландшафтов, развитие экологически ориентированного сельского хозяйства, повышающего устойчивость экосистем и обеспечивающего жизнь и деятельность людей, проживающих в сельской местности, а также рекреацию городского населения» [Стратегия, 2015, С. 20].

Приезд дачников летом, и особенно «задержка» дачников на длительный срок (вплоть до перехода на длительное проживание в деревнях), как показывают исследовани Угорского проекта, оказывают очень важное позитивное влияние на общую социально-психологическую атмосферу в депрессивных сельских поселениях. Дачники устраивают встречи, публичные концерты, фестивали, детские праздники, конкурсы. Дети дачников и местных жителей нередко играют вместе, передавая друг другу опыт, знания, фольклор. Меняется социально-психологическая атмосфера с приездом городских дачников. Загородные дачи играют важную роль в жизни российской интеллигенции, дачники оказываются стабилизиру-

ющим фактором в российских сельских поселениях [Покровский, Н.Е., Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., 2016].

Не случайно поэтому в «Стратегии» 2015 года поставлены конкретные социально-экономические и социально-демографические задачи, которые учитывают на сложную социально-экономическую ситуацию в сельских поселениях и значение городских дачников и рекреационной миграции: «содействие миграции населения в сельскую местность, поощрение строительства частных домов, поддержка сельских инфраструктурных проектов (благодаря увеличению миграционных потоков в сельскую местность, в том числе рекреационного характера)», диверсификация сельской экономики, включая развитие неселькохозяйственных отраслей сельской экономики по таким направлениям, как развитие лесного хозяйства и деревообработки, лесопереработки, ремесел, сохранение традиционного культурного ландшафта, сельской архитектуры, а также **развитие сферы обслуживания туристов**; сохранение освоенности территорий, включая введение таких мер, как поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств и малого бизнеса, осуществляющих свою деятельность в сельской местности, реализация политики по привлечению соотечественников из стран ближнего зарубежья, **расширение сезонного дачного заселения удаленных деревень**» [Стратегия, 2015, С. 21–22].

Приезжающие сегодня в сельскую местность из городов дачники – на летние месяцы, или даже остающиеся на более длительные сроки – существенно увеличивают наличное сельское население, но никак не учитывается никакой официальной статистикой. Местные власти, поскольку дачники нигде не регистрируются, фактически игнорируют их присутствие. Безусловно, в муниципалитетах есть информация о собственниках домов, поскольку на собственность начисляются налоги. Это оказывается определенным ориентиром для исследователей, но не позволяют однозначно делать вывод о количестве реально приезжающих на лето в деревенские дома отдыхающих – самих собственников домов, их родственников и знакомых. Как выразился в интервью один

из руководителей сельской администрации Костромской области: «какая нам польза от дачников – налоги толком не платят, в бюджетном финансировании не отражаются, на них ничего из бюджета не выделяется; при этом постоянно на что-то жалуются – от них одна головная боль». При этом реальный вклад в экономическое и социальное развитие сельского региона предствителям местной администрации не виден и не учитывается, поскольку наем на подсобные работы местных жителей осуществляется неформально, без договоров и уплаты налогов, равно как и покупка ягод и грибов; активизация местной торговли и колоссальное увеличение ее объемов в летний период тоже никак не отражается на доходах сельских администраций; налоги на землю и дома (в сельской местности незначительные) тоже не оказывают существенного влияния на бюджет. Ученым-исследователям остается только использовать косвенные данные, вести полевые исследования, а тажке задействовать современные методы анализа больших данных (базы данных сотовых операторов, космические снимки, информацию железнодорожных служб, базы заправочных станций и другие) [Между домом и... домом, 2016].

Важно подчеркнуть, что общая политика и принципы управления на местах не способствует заинтересованности сельских администраций в решении подобных задач, что существенно снижает реалистичность и достижимость поставленных в «Стратегии...» целей. Как не раз подчеркивали в интервью руководители сельских и городских районных администраций, практика постоянных административных проверок, наложений штрафов, приостановления деятельности (в условиях постоянного бюджетного недофинансирования и задержек перечисления госсредств) ведет к ослаблению инициативы управленцев на местах, к распространению настроений пессимизма и равнодушия. Как прекрасно это сформулировал в интервью (май 2017 года) представитель сельской администрации: «*лучше ничего не делать и получать замечания общего характера за низкую активность, чем что-то делать, пытаться изменить ситуацию и за*

это получать постоянные проверки, выговоры, штрафы… а в условиях постоянного отсутствия денег и даже постоянных задержек объявленного финансирования сельских муниципалитетов – все равно ничего изменить к лучшему невозможно».

Изучение реальных социально-демографических процессов в их связи с социально-экономической ситуацией в периферийных сельских зонах, исследование потоков маятниковой миграции населения (трудовые отходники и рекреационные дачники) – позволят создать более адекватную и подробную картину макро- и микро-процессов, сделают более обоснованными прогнозы развития ситуации и взвешенными программы по улучшению социально-экономической ситуации в сельских сообществах, в том числе те цели и задачи, которые сформулированы в «Стратегии устойчивого развития сельских территорий до 2030 года».

Литература

1. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. Научная монография / Под ред. В. И. Ильина и Н. Е. Покровского / Под общ. ред.: Н. Е. Покровский, В. И. Ильин; науч. ред.: Н. Е. Покровский, В. И. Ильин. М.: Университетская книга, 2016.
2. *Денисенко М. Б., Николаева У. Г.* Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования, 2015, № 12. С. 70–81.
3. Между домом и… домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. / Ред. Т. Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А. Г. Махрова. – М.: «Новый Хронограф». – 2016. – 504 с.
4. *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
5. *Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Николаева У. Г.* Интеллигенция в пространственном измерении внегородской

России // Социологические исследования (СОЦИС), 2016, № 12, С. 52–61.
6. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения (коллективная научная монография) / Под редакцией Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. Москва: «Логос», 2014.
7. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство сельского хозяйства РФ. – М.: ФГБНУ Росинформагротех, 2015. – 76 с. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/strateg_2030.pdf

А.Н. Бочкарев
Институт географии РАН

МАСШТАБЫ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ТРУДОВЫХ МАЯТНИКОВЫХ МИГРАЦИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ СОТОВЫХ ОПЕРАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА)[1]

В связи с кратковременным характером маятниковой трудовой миграции, не подразумевающим смену постоянного места жительства, ее статистический учет затруднен. Требуется использование различных источников, содержащих информацию о трудовой маятниковой миграции, для получения репрезентативной оценки масштабов и пространственной структуры данного явления. Изучение маятниковой трудовой миграции в Московском столичном регионе особенно актуально, т.к. здесь проявляются все новые тренды и закономерности [4].

Выделяется ряд условно прямых источников: данные Пенсионного фонда РФ, социологические опросы, баланс трудовых ресурсов. К косвенным источникам, использованным

[1] Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

в работе, относятся: транспортная статистика, данные сотовых операторов о перемещениях абонентов. В целом, применение перечисленных источников дает приблизительно равные оценки масштабов трудовой маятниковой миграции в Московском столичном регионе: величина центростремительного потока около 1 млн комьютеров, величина центробежного потока порядка 300–400 тыс. комьютеров.

Наиболее новым и относительно слабо исследованным в России источником данных о перемещениях комьютеров являются данные сотовых операторов, которые содержит сведения о перемещениях абонентов, включая поездки на работу. Он является особенно актуальным в городских агломерациях с плотной сетью сотовой связи, позволяющей точно определять местоположение абонента. Западные исследователи активно используют данный источник информации со второй половины 2000-х годов, в то время как в России он появился в относительно общем доступе только в 2015 г. Разработкой этих данных занимаются специалисты компании «Инфонет», работающей по заказу Департамента информационных технологий Москвы (далее – ДИТ).

Данные, поступившие на сервера компаний-операторов, обезличиваются, а затем агрегируются по временным интервалам и по муниципальным образованиям в зависимости от требований формируемого отчета. Также выборка очищается от сигналов модемов, планшетов, а также телефонов, используемых для передачи данных через сеть Интернет (по сути, тех же модемов) и абонентов, которые пользуются двумя и более сим-картами. Затем специалисты ДИТ формируют отчеты о различных типах перемещений абонентов: в основу данной работы легла матрица корреспонденций «дом-работа». Фактически данные сотовых операторов являются уникальным источником информации, позволяющим оценить объемы центростремительного и центробежного потоков, выявить дифференциацию трудовых маятниковых миграций в разрезе муниципальных районов Москвы и муниципальных образований Московской области, аттрактивность главного и локальных центров притя-

жения, сезонные колебания потоков комьютеров и ряд других аспектов.

С помощью регрессионного анализа данных сотовых операторов были выявлены пороги перелома потока комьютеров из муниципальных районов и городских округов, демаркирующие зону «эффективных» маятниковых миграций (примерно 50 км от центра Москвы), которая выполняет функцию спальных пригородов столицы. Вторая выявленная граница – зона «нулевой эффективности» маятниковых миграций (150 км или 170 минут удаленности) очерчивает условный «хинтерланд» Москвы, что оказывается существенно больше традиционно принятых для поездок комьютеров дистанций [1; 3]. Использование данных по городским и сельским поселениям позволяет уточнить обе эти зоны. Охват территорий «эффективных» миграций сдвигается на 10 км ближе к Москве, одновременно выделяется рубеж временной доступности в 120 минут. Зона «нулевой эффективности», напротив сдвигает дальше от столицы, достигая 170 км [2].

По мере удаления от Москвы нарастает разброс значений доли комьютеров, которые работают в столице. Так, «скорость» снижения показателя в транзитной зоне (от 50 до 150 км от центра агломерации) составляет 0,2 % на 1 км, а граница зоны «нулевой эффективности», напротив, сдвигается дальше от Москвы, пролегая на расстоянии 170 км от центра столицы. Такая картина связана с сильным разбросом в структуре выезда значений доли работающих в Москве комьютеров, которая может достигать 50–60 % для муниципалитетов, находящихся на равном удалении от центра столицы из-за низкой транспортной доступности малонаселенных поселений.

К примеру, при близкой удаленности от центра столицы (65–70 км) доля комьютеров в Москву в общей структуре выезда составляет 9,9 % по Буньковскому сельскому поселению против 46,0 % по Солнечногорску или 36,4 % по Монино против 68,6 % по Подольску. В первом случае влияние оказывает удаленность от железнодорожной магистрали и отсутствие прямого автобусного сообщения, а во втором –

положение не на главном ходе Ярославского направления и, как следствие, большие интервалы между отправлениями пригородных поездов.

Таким образом, по времени в пути общественным транспортом до центра Москвы выделяются три группы муниципалитетов: до 120 минут, от 120 до 230, более 230 минут. Первая группа частично соответствует зоне «эффективных» маятниковых миграций, в основном расположенной в пределах 40 км от центра Москвы, хотя некоторые поселения находятся существенно дальше от центра агломерации, но вблизи главных железнодорожных направлений, что сокращает время в пути. На долю муниципалитетов, образующих эту зону с самыми сильными трудовыми связями с центром агломерации, приходится 68,5 % всего центростремительного потока в разрезе муниципальных районов (69,9 % по городским и сельским поселениям). Вторая группа, демаркируемая изохроной доступности от 120 до 230 минут или от 40 до 170 км, которая выделяет промежуточную зону, концентрирует около 30 % всего центростремительного потока. На долю муниципалитетов, расположенных уже за пределами границы зоны трудового тяготения Москвы или в так называемой зоне «нулевой эффективности», приходится менее 1 % в структуре центростремительного потока комьютеров.

Данные сотовых операторов также позволяют отследить помесячную динамику потоков комьютеров и оценить сезонные колебания, связанные с наступлением отпусков, длинными праздниками и переездом части горожан на дачи в теплый сезон, откуда они ездят на работу в Москву. Центростремительный поток своего пика достигает в ноябре и марте, когда он составляет 1,3 млн чел., по своим значениям к этим месяцам близки февраль и октябрь, хотя в последнем еще ощущается влияние сезона отпусков. В целом эти месяцы можно рассматривать как периоды, наиболее полно отражающие объем и распределение трудовых маятниковых миграций, когда они не искажены влиянием отпусков и длительных праздников. Минимальные значения трудовых маятниковых миграций характерны для июля и января, что связано с пи-

ком летних отпусков и новогодними праздниками. В центробежном потоке сезонность выражена меньше, хотя и здесь заметны локальные максимумы и минимумы, при этом значения октября и ноября, когда число комьютеров из Москвы в область составляет 400 тыс. чел., можно рассматривать как «нормальное» для данного показателя.

Анализ географии межмуниципальных различий по соотношению значений центростремительных потоков в октябре и июле также выявляет их центр-периферийный характер, хотя отдельные муниципалитеты выбиваются из этой зависимости. В целом для зоны ближних пригородов, которые представляют собой наиболее урбанизированную часть Подмосковья, характерно доминирование зимнего потока над летним. Здесь влияние дачной рекреационной функции меньше роли обычных трудовых ритмов и генерируемых ими пиком летних отпусков. Сезонные различия, обусловленные дачной функцией, усиливаются по мере удаления от Москвы, достигая максимума в периферийных муниципалитетах, расположенных на удалении свыше 130 км от центра столицы.

За пределами ближайшего пояса муниципалитетов с относительно сильным проявлением «отпускной» сезонности такой же ритм сезонности характерен для поселений, расположенных вблизи основных транспортных магистралей: автомобильных трасс федерального значения, а также железных дорог. За пределами зон влияния транспортных магистралей уровень замещения составляет менее 0,5, то есть «дачная» сезонность выражена сильнее. При этом наблюдается существенная дифференциация по направлениям или секторам. В целом на более урбанизированных северо-западе, северо-востоке и востоке преобладание летнего потока над зимним менее выражено, в южном и юго-восточном направлениях влияние сезонности проявляется неравномерно. При этом на западе, как наиболее престижном и востребованном с точки зрения размещения дач, за редкими исключениями летние потоки резко преобладают над зимними центростремительными поездками комьютеров.

Опыт использования данных сотовых операторов о передвижениях абонентов для изучения трудовых маятниковых миграций населения показал хорошую применимость данного инструмента и в качестве самостоятельного источника, и в сочетании с другими данными. При отсутствии официальной статистики этот относительно новый для России источник информации позволяет проводить мониторинг сложных, накладывающихся друг на друга потоков перемещающегося населения с разными временными интервалами, а также оценивать расселенческие нагрузки, которые испытывает структурные элементы Московской агломерации, прежде всего ее ядро и пригородная зона, в разные сезоны года. Среди других преимуществ использования данного источника информации – возможность исследования на ее базе сезонной изменчивости трудовых миграций, а также возвратных потоков дачников и субурбанизировавшихся москвичей. Использованию этих данных и организации на их основе анализа и мониторинга пока препятствует только их закрытость и, как следствие, настороженное отношение к открытой публикации результатов исследований.

Литература

1. *Давидович В.Г.* Расселение в пригородных зонах (количественные закономерности) // В сб.: Вопросы географии. Расселение в пригородных зонах. / Под ред. В.Г. Давидовича, С.А. Ковалева. М.: Изд-во «Мысль». – 1971. – Вып. 87. – С. 5–43
2. *Махрова А.Г., Бочкарев А.Н.* Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. – 2017. – № 727–728 (дата обращения 15.06.2017)
3. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н.* Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. – 2016. – № 3 (53). – С. 71–82.

4. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. / Ред. Т. Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А. Г. Махрова. – М.: «Новый Хронограф». – 2016. – 504 с.

А.А. Медведев
Институт географии РАН

ПРИЗНАКИ НАЛИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДЕПОПУЛИРУЮЩЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИСТАНЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)[1]

Исследования сельской местности осложняются отсутствием реальных данных о численности населения, особенно на уровне отдельных поселений и населенных пунктов. Показатели численности постоянного населения в сельской местности включают население, которое по нескольку месяцев живет в городах, и не учитывают городских дачников, увеличивающих население в летний сезон в несколько раз (Между домом и... домом, 2016, с. 385–419; Горожане в деревне, 2016, Аверкиева, Нефедова, 2016, Медведев, 2017). Целью исследований была разработка алгоритмов выявления и учета наличного населения в малых деревнях на основе использования данных дистанционного зондирования и статистики.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

– сбор и организация данных – привлечение разновременных крупномасштабных топографических карт и космических снимков сверхвысокого пространственного разрешения;
– выборка и визуализация статистических данных для выделения нежилых населенных пунктов, деревень с отсут-

[1] Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

ствием постоянного населения и имеющих население менее 10 человек;
- выявление прямых и косвенных признаков наличного населения;
- автоматизированное дешифрирование космических снимок на территорию регионов Центрального федерального округа для выявления заброшенных и зарастающих сельскохозяйственных земель;
- обработка полученных данных и их геоинформационный анализ для выявления пространственных закономерностей.

Основным объектом исследования были «вымирающие» сельские населенные пункты (села, деревни, хутора), которые в результате влияния различных социально-экономических и физико-географических, включая труднодоступность, факторов начинают забрасываться. Эти населенные пункты состоят из небольших чаще одноэтажных домов, к которым примыкают огороды. Территории рядом с домами окружены деревьями и кустарниками, а также наблюдаются прочие небольшие строения (сараи, бани). Количество домов в этих населенных пунктах насчитывает не более двух десятков, а в отдельных хуторах присутствуют единичные строения. Данный тип населенных пунктов имеет характерный дешифровочный признак – дома располагаются вдоль единственной дороги – «осевой» тип застройки, а за домами расположены участки с садами и вытянутыми от домов огородами. Для верификации выявления признаков «обжитости» данных населенных пунктов хорошим материалом служат разновременные крупномасштабные топографические карты и данные дистанционного зондирования сверхвысокого пространственного разрешения.

Основой исследования стали методы визуального дешифрирования территории, которые опираются на теорию дешифровочных признаков для распознавания объектов на снимках. Теория сформулирована применительно к визуальному дешифрированию аэрофотоснимков, но сохраняет свое значение при работе, как с космическими изображениями,

так и с их цифровыми изображениями на экране монитора. При дешифрировании снимков сверхвысокого разрешения использовались как прямые (геометрические, яркостные и структурные), так и косвенные дешифровочные признаки.

Информационное обеспечение исследования составили снимки с космических аппаратов Landsat 8/7/5, WorldView 1/2, QuickBird, GeoEye, SPOT 5, SPOT 6 и Pleiades, которые опубликованы на веб-картографических сервисах Яндекс. Карты, GoogleMaps, BingMaps (Microsoft), ArcGIS.Imagery (ESRI), Геопортал Роскосмос. Наборы снимков, включенных в мозаики, у каждого веб-картографического сервиса различаются, так как компании отдельно приобретают их у поставщиков космических снимков. Использование 5 готовых бесшовных мозаик из разных источников дает возможность избежать ошибок временной неопределенности и произвести дешифрирование по актуальным космическим снимкам. Картографическими источниками данных стали топографические карты масштаба 1:100000 и 1:200000, а также материалы публичной кадастровой карты Росреестра. В качестве статистических данных использовались материалы Росреестра с перечнем населенных пунктов и градаций численности населения, которые лежат в основе публичной кадастровой карты. Для сопоставления данных на отдельные регионы (в качестве примеров рассматривались Тульская и Костромская области) были получены региональные статистические данные.

Верификация и валидация данных служит важной частью исследования. Забрасывание населенных пунктов идет параллельно с выводом из оборота земель сельскохозяйственного назначения, их зарастанием лесом и превращением в залежи. Материалы автоматизированного дешифрирования показали весьма высокую корреляцию распространения заброшенных сельскохозяйственных земель с местоположением заброшенных и малонаселенных деревень. Другим направлением верификации результатов была взаимная проверка источников данных. В результате этой верификации были выявлены ошибки в данных Росреестра и региональной статистики.

Результатом исследования стали отдешифрованные космические снимки с выделением заброшенных и забрасываемых населенных пунктов (рис. 1). Они дают наиболее достоверную информацию о признаках жизнедеятельности в деревнях и состоянии застройки в них. Были выделены определенные классы состояния застройки, для которых, соответственно, были определены дешифровочные признаки. При выделении состоянии застройки учитывались внешние

Рис. 1. Населенные пункты регионов Центрального федерального округа: нежилые и с отсутствием постоянного населения

морфологические особенности: размер и характер зданий, планировочная структура, наличие и характер зеленых насаждений.

По результатам работы была подготовлена серия итоговых карт: нежилых населенных пунктов, населенных пунктов, которые на картах и в статистических сводках показаны как жилые, но в них отсутствует постоянно проживающее население, а также деревень с населением менее 10 чел., необрабатываемых в 2000–2014 гг. земель, заросших лесом земель. Эти исследования создают основу для выявления зон потенциальной экспансии дачников в районы, покидаемые местным населением,

Литература

1. *Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г.* Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России, 2016, № 1, с. 103–128.
2. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / ред. В. И. Ильина и Н. Е. Покровского. М.: Университетская книга, 2016.
3. *Medvedev A.* Counter processes: rural shrinkage and expansion of second homes in Central Russia // Proceedings of Warsaw Regional Forum 2017: Space of flows. – Warsaw, 2017. – P. 38–38.
4. *Медведев А.А.* Сельское «опустынивание»: пространственный анализ и дистанционный мониторинг Центральной России // сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Геоинформационное картографирование в регионах России». – Цифровая полиграфия Воронеж, 2017.
5. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. Авторы К.В. Аверкиева, Е. В. Антонов, П.Л. Кириллов, А. Г. Махрова, А. А. Медведев, А. С. Неретин, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

А.Г. Махрова
МГУ им. М.В. Ломоносова

ДАЧИ В ГОРОДЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕЗУРБАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЫ[1]

Традиционно дачи ассоциируются с близостью к природе и бегством от города хотя бы в виде сезонной суб- и дезурбанизации. В этом смысле дачи в городе могут рассматриваться как элемент дезурбанизации в условиях урбанизированной среды. Дачные массивы в городах не исключительно российская практика, они есть и в других странах, например, Kleingarten и Schrebergärten в Германии или koloniträdgården в Швеции.

Среди них Россия выделяется распространенностью дач разного типа в городах, что связано с тем, что в структуре российских городов выделяются так называемые зоны внутренних пригородов или внутренней субурбанизации, образовавшиеся в результате расширения административных границ и включения в городскую черту бывших пригородов [Дружинин, 2008]. Одним из последних наиболее известных примеров такой практики служит увеличение территории Москвы в 2012 г. почти в 2,5 раза, что привело к росту числа садово-дачно-огороднических товариществ в границах города в 18 раз [Махрова, Ткаченко, 2013].

В целом такие дачные анклавы в большей степени свойственны крупнейшим городам, однако они встречаются почти повсеместно, что можно проследить на примере городов Тульской области (табл. 1). По состоянию на 2006 г. по количеству поселков, расположенных в городе, выделялась Тула, однако ей совсем ненамного уступал Донской, в состав которого в качестве микрорайонов в 2005 г. вошли г. Северо-Задонск и 6 поселков городского типа. Включение в 2014 г. в состав городского округа Тула Ленинского района с его 350 объединениями утроило количество «дачных» поселков. Областная

[1] Работа написана в рамках реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов» проекта РФФИ № 17–06–00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

Таблица 1

«Дачные» поселки, расположенные в ряде городов Тульской области (2006 г.)

Название города	Количество поселков в городской черте, ед.	Численность населения города, тыс. чел.
Тула	151	487,8
Новомосковск	67	127,2
Щекино	38	78,3
Донской	118	66,7
Алексин	49	58,7
Узловая	54	55,3
Ефремов	21	36,8
Богородицк	67	31,4
Кимовск	71	27,1

Источник: составлено автором по «Всероссийская сельскохозяйственная перепись...», 2007, «Численность населения Российской...», 2007.

столица к своим садовым товариществам получила еще 317 садоводческих поселков, а также 31 огородническое объединение и 2 дачных поселка.

Таким образом, масштаб присутствия дач в городе в значительной степени зависит от того, сколько времени прошло с момента расширения его границ.

Как показал опрос, проведенный в 2014–2015 гг. в 7 городах (Йошкар-Ола, Сыктывкар, Тамбов, Вологда, Череповец, Петрозаводск, Кондопога), городские дачи составляют около 12 % в общей структуре дачных владений. Однако некоторые города выделяются повышенной долей дач в городах: в Йошкар-Оле каждый пятый, а в Сыктыкаре каждый шестой респондент имеет дачу в пределах города. С одной стороны, это говорит о том, что дачи, приобретенные некогда респондентами, со временем были поглощены разросшимися городами, а с другой – указывает на некоторую «сельскость» самих этих городов.

В качестве еще одного примера, по которому есть данные, можно привести Владикавказ. При невысоком уров-

не востребованности дач в республиках Северного Кавказа Владикавказ концентрирует около 46 % всех дач в Северной Осетии и такая ситуация остается неизменной за последние 10 лет [Всероссийская сельскохозяйственная перепись…», 2016а].

Масштабами «дачных» владений выделяются все три города федерального значения, по которым они вполне сопоставимы со многими регионами. По числу дачных поселков и размерам занимаемых площадей Севастополь и Москва находятся в середине рейтинга; по распространенности огородов выделяется Санкт-Петербург, который входит в первую двадцатку; лишь по садовым объединениям все три города расположены во второй половине списка. Положение Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя в рейтингах садов, дач и огородов отражают особенности структуры их дачного сегмента (табл. 2).

Таблица 2

«Дачные» объединения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя

Некоммерческие объединения	Москва		С.-Петербург		Севастополь	
	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.
Общее количество, всего, ед.	37	672	358	265	н/д	469
в том числе:						
садоводческие	30	609	143	143	н/д	409
огороднические	5	6	213	120	н/д	1
дачные	2	57	2	2	н/д	59
Площадь, всего, тыс. га	471	6230	2109,3	2187,1	н/д	5145
в том числе:						
садоводческие	418	5432	2026	2101	н/д	4761
огороднические	0,0	0,0	1,3	0,7*	н/д	0,0*
дачные	53	798	82	86	н/д	384

Источник: составлено автором по «Всероссийская сельскохозяйственная перепись…», 2007, «Всероссийская сельскохозяйственная перепись…», 2016б.

Для Севастополя характерно доминирование садов при повышенной доле дач и крайне незначительной развитости огородничества. В Севастополе масштабом коттеждно-дачной застройки выделяются территории вдоль 24-километровой полосы пляжей побережья южного берега Крыма от мыса Фиолент, где расположены новые коттеджные и старые почти полностью джентрифицированные садово-дачные поселки с помпезными коттеджами, особняками и виллами.

Во «внутренней» части города находится значительная часть старых садоводческих товариществ с существенно более скромными домами. Среди них довольно много сохранившихся щитовых домиков советского времени на участках в 6 соток, где вдоль узеньких дорожек плотно размещены традиционные грядки, фруктово-ягодные деревья и кустарники, крымский колорит которых заметен в беседках, обвитых виноградом, а также персиковых, черешневых, тутовых деревьях. Эта часть дачного сегмента в большей степени ориентирована не на внешних покупателей, а на местных жителей, которых волнуют проблемы, связанные с использованием дач для постоянного проживания: вопросы регистрации, обеспеченности транспортом, социальной инфраструктурой, водоснабжением, и, наверное, в первую очередь, планы властей по развитию территории города, которые могут затрагивать садово-дачные массивы.

Санкт-Петербург, напротив, выделяется количеством огороднических поселков, число которых к 2016 г. почти вплотную приблизилось к садоводствам из-за сокращения их масштабов почти вдвое как проявление общероссийского тренда. Для Санкт-Петербурга, как и для Севастополя, а после масштабного расширения территории и для Москвы, характерно наличие так называемых внутренних пригородных районов или зон внутренней субурбанизации, которые в зависимости от их положения имеют разный уровень престижности [Махрова, 2015].

В Санкт-Петербурге роль прибрежных территорий вдоль черноморского побережья в Севастополе выполняет Курортный район города с его знаменитыми курортными и дачными

местами, известными еще с дореволюционных времен (Зеленогорск, Комарово, Репино, Сестрорецк, Солнечный и многие другие). Притягивая своим благоприятным климатом, песчаными пляжами Финского залива, чистым морским воздухом и хвойными лесами, он как бы предваряет основные районы концентрации наиболее престижных коттеджных и садово-дачных поселков Ленинградской области на Карельском перешейке [Аверкиева и др., 2016].

В Москве территория между Киевским и Калужским шоссе, которая образовала «основное тело» Новой Москвы, традиционно входила в тройку самых дорогих на рынке загородной недвижимости из-за положения на престижном юго-западе, относительно хорошей экологии, низкой урбанизированности, наличия стародачных мест и статусного соседства с госдачами и дачами топ-менеджеров Газпрома. В Старой Москве за время, прошедшее с предпоследнего расширения территории города в 1960 г., территории бывших дачных массивов оказались уже практически полностью захвачены типичными для столицы многоэтажными домами, а сохранившиеся дачные массивы оказались застроены новыми коттеджами для постоянного проживания (Серебряный Бор, Покровское-Стрешнево и др.).

С присоединением территорий Новой Москвы дачные массивы, включенные в состав столицы, опять оказались под ударом агрессивной застройки, что хорошо отражает направление структурных изменений нового жилищного строительства по Калужскому направлению, которое полностью вошло в состав Новой Москвы. При сокращении числа и доли поселков с участками без подряда, наиболее значительно выросло количество и доля среднеэтажных жилых комплексов и таунхаусов, жилье в которых ближе к городскому жилью, а потенциальные покупатели менее чувствительны к изменениям в окружении [Махрова, 2014].

Один из путей трансформации дач – это их превращение в жилье для постоянного проживания, что зависит от города и от положения дачного массива внутри города:

1) в стародачных престижных местах почти полная замена старого дачного фонда современными коттеджами (Серебря-

ный Бор, Комарово, Переделкино и др.) и высокая доля постоянно проживающего населения;

2) в поселках с менее удачным положением доля дач, используемых для постоянного проживания, ниже: в новых коттеджных поселках около 20–30 %, в старых дачных поселках – не более 20 %.

Разные владельцы дач так описывают свои модели проживания на даче:

...живем в городе, сюда только по выходным и летом, семью нанял, они за всем следят... (Дмитрий, 49 лет).

...здесь только мама все время, я езжу постоянно, 30–40 минут на машине дорога обычно занимает... (Татьяна, 56 лет)

... перестроили старую дачу и переехали несколько лет назад... трешку в городе дочке оставили... (Анна, 59 лет)

...мы сами из Таджикистана, раньше снимали здесь, а теперь купили и живем..., но свет плохой, дороги, с водой плохо... (Рахмон, 42 года).

Использование дач для сезонного проживания характерно для двух типов горожан: 1) это покупка дач мигрантами из других регионов, в том числе теми, которые приобрели рядом квартиры в многоэтажных домах, повторяя модель проживания на старом месте (квартира и ближняя дача); 2) старые владельцы, живущие, как правило, постоянно на даче или на два дома в теплый сезон (таких все еще большинство).

Эти дачники так описывают свои модели сезонного проживания на даче:

...купили квартиру в новостройке и дачку рядом, чтобы близко было... (Света, 36 лет)

...коттедж покупать не стал, там участки большие, а здесь квартира рядом... участок маленький и налоги не будут большие... (Николай, 48 лет)

...каждое лето приезжаю, жду не дождусь, когда потеплеет... и сразу на дачу до осени... (Нина Ивановна, 74 года)

...летом месяца два живем на даче с перерывами... до центра на электричке за полчаса на работу можно доехать... и до дома близко на маршрутке можно доехать... (Наталья, 63 года).

...мы живем в Салехарде, но купили квартиру в Москве, таунхаус в Новой Москве как ближнюю дачу, еще есть дача с участком в 40 соток в Абрамцеве... (Петр, 57 лет).

Еще одна тенденция – это рост доли пустующих дач, когда дачи разрушаются, но не продаются из-за смены поколений или невозможности их продать при росте желающих продать свои дачи в городе. Эти респонденты так описывают ощущения от своих городских дач:

...Город наступает, живем как на стройке...

...Хотим купить что-нибудь человеческое, но не удается. Там где хотим купить, цены выше...

...Хотим купить другую дачу, но не можем продать эту. Когда покупали участок 15 лет назад все объездили, ничего не могли найти... Сейчас кругом висит... продаю, продаю, продаю...

Еще один тренд – это появление «скотных дворов» на городских дачах, когда горожане (как правило, имеющие сельские корни), постоянно живущие на даче, обзаводятся живностью.

...Лет семь назад, как перестала работать в городе, стали с мужем постоянно жить на даче... Я теперь в нашем ТСЖ бухгалтером работаю... Раньше у меня только огород и теплица были, а теперь мы кур завели... (Тамара, 68 лет).

...Мы с мужем все время на даче живем, уже давно кур завели, сами едим, соседям продаем яйца... (Светлана Ивановна, 72 года).

...У меня прежний муж фермер был, я и здесь завела свиней, кроликов, птицу разную... (Нина, 48 лет).

Будущее городских дач – это их сохранение в качестве места сезонного отдыха или превращение в место для постоянного проживания? В целом дачи, расположенные в черте городов с благоприятной социально-экономической ситуацией, пользуются значительным спросом для постоянного проживания. Это приводит к тому, что в садово-дачных массивах активно идут процессы замены старого жилья коттеджами, что постепенно трансформирует их в районы с наиболее дорогим и престижным жильем. В условиях многоэтажных домов с высокой

плотностью застройки они привлекают горожан возможностью жить в городе, но в своем доме с лужайкой, позволяя соединять преимущества городского и загородного образа жизни.

На другом полюсе находятся анклавы дач в черте автономно расположенных малых и средних городов, застроенных преимущественно частными домами с приусадебными участками. Полудеревенский-полугородской образ жизни их населения не генерирует потребности в дачной рекреации, а аграрные функции дач с успехом выполняют приусадебные участки или огороды вокруг двухэтажных домов. В результате, как и в дачных массивах в окружении таких городов, дачи оказываются слабо востребованными (особенно для огородничества), постепенно застраиваясь обычными частными домами, если у местного населения есть потребность в участках для ИЖС.

При потере значимости дач в городе как места отдыха на природе растет их привлекательность как места для постоянного проживания. Фактически, в современном городе дачи остаются островками дезурбанизации, судьба которых в историческом будущем предрешена, особенно в условиях сохранения жилищной проблемы. С разной скоростью, но идет процесс их трансформации: урбанизация подавляет дачезацию, что проявляется в разных формах (постоянное жилье, двудомность, рост частоты использования во все сезоны и др.).

Литература

1. *Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л.* и др. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016.
2. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года (предварительные итоги по краткой программе по муниципальным районам и городским округам). Вып. № 3, Т. 2 – Тула: Туластат, 2007.
3. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги. Владикавказ: Северная Осетия стат., 2016а.
4. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги: Статистический бюллетень / Фе-

деральная служба государственной статистики. М: ИИЦ «Статистика России», 2016б.
5. *Дружинин А.Г.* Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
6. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 т.). Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
7. *Махрова А.Г.* Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 4. С. 49–59.
8. *Махрова А.Г.* Сезонная субурбанизация в регионах России. Вестник МГУ. Серия 5. География. 2015. № 4. С. 60–68.
9. *Махрова А.Г., Ткаченко Л.Я.* Планы и реалии «Новой Москвы»: продолжение или смена вектора развития // Экологическое планирование и управление. 2013. № 1 (14). С. 37–50.
10. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам. М.: Росстат, 2007.

К.В. Аверкиева
Институт географии РАН

ДАЧА КАК МЕСТО ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРОЖИВАНИЯ: ОТ РЕКРЕАЦИИ К ДЕЗУРБАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОДМОСКОВНЫХ СНТ)[1]

Российский феномен – дача – интересен в первую очередь сезонным характером использования второго жилья. Дачи формируют в пригородах крупных городов и даже в удаленных от агломераций районах особую сезонную систему рас-

[1] Работа написана в рамках реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов» проекта РФФИ № 17–06–00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

селения, из-за дефицита статистики почти не поддающуюся изучению или хотя бы описанию. В работах по дачеведению [Нефедова и др., 2015; Трейвиш, 2014] неоднократно указывались причины, не позволяющие приравнять российские дачи к одноэтажным пригородам на Западе. Субурбанизированные пригороды и дачи, хотя и имеют ряд схожих черт, в российской науке чаще противопоставляются. Тем не менее, в Московской области постепенно происходит стирание границ между коттеджными поселками и дачами в традиционном понимании этого термина. Все чаще, особенно в пригородах крупнейших городов, дачи становятся местом постоянного проживания.

В процессе изучения мотивов «дачной» дезурбанизации были обследованы 15 СНТ (СНТ – садоводческое некоммерческое товарищество, до июля 2017 г. наиболее распространенная форма дачных объединений), было проведено 6 глубинных интервью с жителями нескольких подмосковных СНТ, переехавших на дачи на постоянное место жительства, а также проведено анкетирование 120 дачников в 12 СНТ, чтобы выявить факторы, сдерживающие процесс переселения за город.

Переезду на дачи москвичей и жителей подмосковных городов способствовал не столько закон 2015 г., разрешивший получать прописку в дачных домах (если они признаны пригодными для круглогодичного проживания), сколько вложения самих дачников в инфраструктурную оснащенность второго жилья. Газификация, новые технологии водопровода и водоотведения, спутниковый, а позже мобильный интернет позволяли создавать на дачах условия, близкие к городским. Постоянный рост цен на недвижимость в Москве и Подмосковье, ухудшение городской среды, загруженность транспортных коридоров выталкивали население из столицы и подмосковных городов [Нефедова, 2012].

Несмотря на продолжительное (свыше 5 лет) время проживания респондентов за пределами городов говорить о дезурбанизации даже на их примере преждевременно. Все респонденты до сих пор остаются владельцами квартир в городах и не стремятся менять прописку. Лишь один из шести собеседников

получил прописку в СНТ. Остальные имеют прописку в городе, а квартиры либо оставили родственникам, либо сдают. Городская прописка, с одной стороны, позволяет пользоваться социальной инфраструктурой в городах, в первую очередь – получать медицинские услуги. Для пенсионеров из Москвы смена прописки ведет к потере надбавок к пенсии. С другой стороны, прописка позволяет жителям дач иметь уверенность в том, что им есть куда вернуться в случае неблагоприятных изменений. Респонденты опасаются, что условия вокруг их дачных кооперативов могут измениться, и им придется искать новую дачу или вернуться в город. Так, заметное негативное влияние на систему дачного расселения уже оказало строительство платной автомагистрали ЦКАД. В связи с обострившейся проблемой перегруженности полигонов ТБО многие жители Подмосковья опасаются строительства новых полигонов или мусоросжигательных заводов в опасной близости к их поселкам. Респонденты опасаются расширения строительства, прокладки новых транспортных магистралей и даже стихийных бедствий, памятуя о последствиях урагана 2007 года, нанесшего большой вред лесам на Северо-востоке Московской области.

В числе причин, побудивших респондентов к переезду на дачи на постоянное место жительства на первом месте стоит жилищный вопрос. Пенсионеры оставляют квартиры детям, переезжая на дачи, либо переезд на дачу может быть связан с необходимостью в дополнительных средствах, которые можно получить от сдачи жилья. Однако это не единственный мотив. За переездом на дачу иногда кроются личные, семейные причины (в одном случае – инвалидность одного из членов семьи, в другом – потребность в самореализации, которую можно удовлетворить в процессе перманентного дачного строительства и благоустройства участка, в третьем – опасения за собственное здоровье и желание жить ближе к природе).

Переезду на дачу предшествует подготовка дома: обустройство теплых санузлов, утепление стен, усовершенствование системы отопления. Среди респондентов, постоянно проживающих на даче, встречаются как жители кирпичных коттеджей, оборудованных газовыми котлами, так и жители

усовершенствованных деревянных дачных домов с печным отоплением. Отопление – ключевое условие для того, чтобы дом был признан пригодным для круглогодичного обитания (это важно при получении разрешения на прописку в СНТ, наличие водопровода и водоотведения не являются решающими в этом вопросе). Недостаточная инфраструктурная оснащенность дачных домов – первая причина, по которой, согласно опросу дачников, сезонно проживающих за городом, они не готовы переехать на дачу, хотя имеют такое желание. В качестве основной ее отметили 84 % опрошенных. Также к сдерживающим факторам относится отсутствие социальной инфраструктуры (в первую очередь, больниц и школ) или их неудовлетворительное состояние в сельской местности Московской области, а также небольшой выбор досуга в зимний период.

Когда жители домов в деревнях, купленных как дачные, переезжают туда на постоянное место жительства, они, как правило, стремятся к постепенной интеграции в сельское сообщество [Аверкиева, 2014]. Жители подмосковных СНТ, даже продолжительное время проживая за городом, почти не налаживают связи с населением ближайших сельских населенных пунктов, предпочитая его общению или с друзьями и родственниками в городе, или находя знакомых среди жителей других дачных поселков. Также проблемой интеграции в сельские сообщества Московской области является отсутствие сложившихся связей между жителями подмосковных деревень и сел: состав населения значительно изменился за последние 15 лет, многие деревни стали дачными либо сельские дома заменили коттеджи, принадлежащие новым хозяевам.

Дачные дома с постоянными жителями встречаются почти в любом СНТ, но редко доля домов с постоянными жителями превышает 10–15 % от общего количества дачных домовладений. Но иногда встречаются дачные кооперативы, где постоянно обитаемые дома составляют свыше 60 % от общего количества. Такие кооперативы, как правило, возникали в конце 1980-х – начале 1990-х гг., участки выделялись не по 6 соток,

а по 8–10, некоторые семьи сразу могли получить или купить несколько участков. Такие кооперативы застраивались не типовыми дачными домами, а индивидуально, исходя из возможностей и предпочтений дачников. Их отличает обилие капитальных, чаще всего, кирпичных построек, высокая степень благоустройства как участков, так и всей территории дачного объединения: асфальтированные дороги, посадки декоративных кустарников и деревьев вдоль дорог, ухоженные палисадники. Такие СНТ больше напоминают коттеджные поселки, но застроенные не по типовому проекту. Зачастую в таких СНТ возникают местные центры предоставления услуг: торговые точки, семейные детские сады, мини-гостиницы и досуговые центры. Жители совместно обустраивают спортивные и детские площадки. Как правило, СНТ с большой долей постоянных жителей имеют хорошую транспортную доступность. В данном случае важна возможность добираться не только на личном автомобиле, но и на общественном транспорте. Такие СНТ располагаются вблизи железнодорожных платформ (например, СНТ «Русское поле» вдоль железнодорожной ветки Белорусского направления) или неподалеку от автомобильных трасс (например, СНТ «Южный склон», расположенный недалеко от Киевского шоссе), где налажено регулярное автобусное сообщение.

Первое пилотное обследование показало, что дачные товарищества постепенно могут стать постоянно обитаемыми населенными пунктами, хотя основное число дачных домов по-прежнему будет оставаться сезонно обитаемыми. Чем больше размер участка и лучше транспортная доступность, тем выше вероятность увеличения доли домов с постоянными жителями. Переехавшие на постоянное место жительства на дачу горожане формируют свой круг общения, налаживая социальные связи не столько с местным населением, сколько с другими дачниками, круглогодично проживая за городом.

Литература

1. *Аверкиева К. В.* Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях // Социология. Естествознание. Общество. Сбор-

ник научных статей и материалов научной конференции / Под ред. Н. Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 57–62.
2. *Нефедова Т. Г.* Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. Т. 48(3). С. 204–216.
3. *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
4. *Трейвиш А. И.* «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.

М.С. Гунько
Институт географии РАН

ОТХОДНИКИ ИЗ МАЛЫХ ГОРОДОВ – АКТИВНАЯ ЧАСТЬ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА? ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТИЯ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ РАЗНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ НЕВЕЛЬ, КАСИМОВ И КИРОВ[1]

Возвратная трудовая мобильность в последние десятилетия стала распространенным явлением во всем мире благодаря тому, что позволяет обрести доступ к обширному рынку труда без изменения места проживания (Cassel et. al, 2013; Sandow, 2008, 2011). Одной из распространенных практик возвратной трудовой мобильности среди населения России является отходничество – возвратная трудовая мобильность с длительным периодом проживания в месте трудоустройства.

Не каждый способен стать отходником, отходничество – это не только особый вид трудовой мобильности, но и особая модель экономического поведения (Плюснин и др., 2015). Так, отходниками чаще становятся семейные мужчины среднего возраста (Sandow, 2011; Gunko & Nefedova, 2017). Кроме

[1] Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

того, ряд российских исследований, посвященных феномену отходничества, делает вывод о том, что отходниками становятся наиболее инициативные и самостоятельные представители локальных сообществ (Кордонский, 2009; Нефедова, 2013; Между домом и... домом, 2016, Жидкевич, 2016).

Данное исследование ставило целью проверить гипотезу об отходниках как наиболее активных представителях локального сообщества через анализ их участия в территориальном (городском) развитии. Для этого был проведен опрос в трех малых городах Европейской территории России – Невель, Псковская область (15,2 тыс. чел.)[2], Касимов, Рязанская область (30,9 тыс. чел.) и Киров, Калужская область (30,8 тыс. чел.) по случайной выборке среди населения в возрасте 18 лет и старше. Выборка включала 300 человек в каждом городе; средний процент неответа составил 24 (максимум в Невеле – около 28 %). Таким образом, выводы исследования основываются на ответе 695 респондентов: 241 в Касимове, 223 в Кирове, 231 в Невеле. Из респондентов 314 были мужчины и 381 – женщины, медианный возраст 41 год; 102 человека постоянно или периодически зарабатывали на отходе, 59 – предприниматели, остальные – наемные работники, работающие в данном городе или его ближайших окрестностях (т.е. маятниковые мигранты).

Первая часть опросного листа была предназначена для сбора информации о социодемографических характеристиках респондентов (место рождения, возраст, пол, семейное положение, уровень образования, вид занятости). Вторая часть состояла из 14 утверждений, на основе оценки которых далее конструировался индекс участия в городском развитии. Были включены как негативные, так и позитивно сформулированные утверждения, их оценка респондентами проводилась по пятибалльной шкале Лайкерта: от 1 – «категорически не согласен» до 5 – «полностью согласен». Индекс участия для каждого респондента был рассчитан как среднее значение оценки всех утверждений.

[2] Численность населения по данным БД «Показатели муниципальных образований» на 2016 г.

Распределение полученного индекса близко к нормальному, но слегка отклонено вправо – у большего количества респондентов показатель низкий. В целом утверждения об участии в политической жизни города оцениваются ниже других,

Таблица 1

Утверждения для расчета индекса участия в городском развитии

Утверждения	Средние значения
1. Быть в курсе городских проблем и новостей нужно только если они непосредственно меня касаются	3,22
2. Регулярно следить за деятельностью органов местного самоуправления сложно	4,63
3. Я активно пользуюсь городскими сообществами в социальных сетях (Вконтакте, Facebook)	3,31
4. Каждый житель моего города может сделать что-то, чтобы город стал удобнее для жизни	3,83
5. В нашем районе/дворе чисто не потому что убирают, а потому что не сорят	2,72
6. Я участвовал в организованных мероприятиях по благоустройству города	3,24
7. Я никогда самостоятельно не занимался благоустройством во дворе своего многоквартирного дома/общественном пространстве зоны частной застройки	2,03
8. Я не принимал участие в городских фестивалях	1,41
9. Коллективные действия жителей не могут обеспечить сохранность городских достопримечательностей	1,57
10. Направление развития города должны определять сотрудники администрации	3,57
11. Я участвовал в публичных слушаниях по вопросам городского развития	2,01
12. Я участвовал в муниципальных выборах	2,49
13. Я не знаком с содержанием генерального плана города/стратегии городского развития	4,11
14. Муниципальные документы развития (стратегия, генеральный план) будут приняты, даже если с ними не согласно большинство жители	3,49

что во многом связано с неумением и нежеланием администрации городов привлекать население к их управлению.

Несмотря на де-юре провозглашенный курс на привлечение граждан к планированию и управлению территориями, де-факто это «участие» чаще всего происходит в виде пустого ритуала, в ходе которого люди могут выражать свое мнение, но лишены возможности реально воздействовать на принимаемые решения (Гришина и др., 2016). Поэтому свое «право на город» жители выражают в участии в его благоустройстве и преобразовании физического облика, чаще через небольшие интервенции в жилых зонах, не требующие согласования с властью.

Дисперсионный анализ полученных данных показал, что город, пол, семейное положение не имеют статистический значимой связи со сконструированной переменной (индекс участия в городском развитии). Остальные переменные имеют статистическую значимую связь с индексом. Так, в среднем активнее других участвуют в городском развитии люди, родившиеся в этом городе (что может говорить о локальной идентичности как основе гражданского активизма (Raagmaa, 2002), старших возрастов, с высшим образованием. Среди трех категорий по видам занятости самые активные участники городского развития – предприниматели, а отходники – наименее активна категория. Таким образом, несмотря на то, что отходники, безусловно инициативные люди, к тому же потенциальные носители новых идей, их активность и инициативность не перерастает в гражданский активизм, по крайней мере по данным этой выборки. По всей вероятности, ограничителем их участия является временной фактор. В городе проживания они проводят не достаточно времени, чтобы вникнуть в текущие проблемы развития, а также принять меры по их устранению.

Территории, привлекающие отходников, получают множество преимуществ, в том числе дополнительные налоговые поступления в бюджет и повышение спроса на товары и услуги, а места выезда – страдают от их сокращения (Нефедова, 2015; Между домом и... домом, 2016). Если

рассматривать перифериизацию как процесс возникновения внепространственной периферии, т.е. управленчески и экономически зависимой территории, есть основание полагать, что отходничество, действительно, усиливает негативные тенденции. Из-за выезда на работу в другие города мобильные работники в меньшей степени участвует в развитии своего города, а значит, снижается потенциал к развитию более устойчивой низовой (grass-roots) формы городского развития. Тем не менее, последствия отходничества гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Потенциальные положительные эффекты, в первую очередь в социальной сфере, менее заметны и труднее поддаются исследованию, но они требуют пристального внимания в дальнейших исследованиях.

Литература

1. *Гришина И.В., Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю., Гунько М.С., Михайлов Д.И., Путилова Е.С., Гришин А.С., Куликова Ю.В., Нестеркина Е.В.* Научное-методическое обеспечение разработки документов стратегического планировнаия муниципального уровня. Отчет о прикладном экономичсеком исследовании П-302–27–16. М.: СОПС, 2016.
2. *Жидкевич Н.Н.* Социальный портрет современного российского отходника. Журнал социологии и социальной антропологии, 2016, № 19 (1). С. 73–89.
3. *Кордонский С.Г.* Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная основа. Мир России: Социология, этнология, 2009, № 18 (3). С. 3–38.
4. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России /ред. Нефедовой Т. Г., Аверкиевой К. В., Махровой А. Г. М.: Новый хронограф, 2016.
5. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы геогарфа. М.: Ленанд, 2013.
6. *Нефедова Т.Г.* Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки. Демоскоп Weekly, 2015, № 641–642. http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php

7. *Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н.* Отходничество как новый фактор общественной жизни. Мир России: Социология, этнология, 2015, № 24(1)/ – С. 35–71.
8. *Cassel S.H., Macuchova Z., Rudholm N., Rydell A.* Willingness to commute long distance among job seekers in Dalarna, Sweden. Journal of Transport Geography, 2013, № 28. P. 49–55.
9. *Gunko M., Nefedova T.* Coping with employment issues through commuting: Evidence from Central Russia. Moravian Geographical Reports, 2017, № 25(2). P. 118–128.
10. *Raagmaa G.* Regional identity in regional development and planning. European Planning Studies, 2002, № 10(1). P. 55–76.
11. *Sandow E.* Commuting behavior in sparsely populated areas: evidence from northern Sweden. Journal of Transport Geography, 2008, № 16. P. 14–27.
12. *Sandow E.* On the road: Social aspects of commuting long distances to work. PhD thesis. 2011. http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:415050/FULLTEXT01.pdfGERUM

А.В. Старикова
Институт географии РАН

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, РЫНОК ТРУДА, МАЯТНИКОВЫЕ МИГРАЦИИ И ЗАНЯТОСТЬ: ОСМЫСЛЯЯ ОПЫТ БАВАРИИ[1]

Трудовая мобильность баварцев: зачем нам исследовать зарубежные регионы?

Временные трудовые миграции в России резко возросли после распада СССР, став реакцией на кризисную ситуацию в стране, ухудшение состояния экономики, снижение уровня жизни и отсутствие перспектив трудоустройства в российских регионах при активном росте спроса на трудовые ресур-

[1] Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

сы в крупных городах [1, с. 10]. Однако в публикациях 1990-х гг. основное внимание уделялось миграционным потокам в Россию гастарбайтеров из бывших республик СССР, в то время как сопоставимые по своим масштабам внутренние потоки трудовых мигрантов почти не рассматривались специалистами. Заметный прогресс в сфере исследований российской трудовой мобильности произошел в начале 21 в., что связано, во-первых, с интенсификацией этого явления на территории нашей страны в этот период (из-за усиления экономической поляризации ее пространства), а во-вторых, с улучшением исследовательской базы и появлением новых источников информации (включая результаты Всероссийской переписи населения 2010 г.) и методов исследования [1, с. 174].

В многочисленных зарубежных публикациях, в первую очередь, европейских и американских, изучение пространственной мобильности началось гораздо раньше, чем в России, охватывая более широкий круг вопросов, в т.ч. социальные, экономические, транспортные, региональные и другие аспекты мобильности, а также касающиеся сопоставления ее разных форм (в первую очередь, переселения на новое место жительства и мобильность комьютеров) [5, 10 и др.]. В нашей стране большее внимание сейчас уделяется маятниковым трудовым миграциям, к которым различные исследователи относят как ежедневные поездки к месту работы и обратно, так и миграции с ритмами различной длительности (недельными и др.), для обозначения которых применяют термин «отходничество» [1, с. 12].

На развитии исследований трудовой мобильности в России сказывается недостаток сопоставимых материалов, а доступная статистическая информация чаще всего оказывается неполной и некачественной. Долгое время государственная статистика временных перемещений трудовых ресурсов у нас начисто отсутствовала, а к выборочным обследованиям населения по проблемам занятости, которые фиксируют такие перемещения между субъектами РФ, есть претензии. Кроме того, изучение маятниковой миграции осложняет закрытость статистики о пассажиропотоках на разных видах транспорта

(даже если такие данные рассчитываются), в то время как анализ подобных данных в странах Европы и США является традиционным [2, с. 226; 1, с. 105 и др.].

В обозначенных условиях для российских исследователей иностранный опыт оказывается полезным, тем более, если его адаптировать к российским реалиям. Отметим, что европейская школа большое внимание уделяет созданию универсальных миграционных моделей, рассмотрению выгод, издержек и альтернатив различных видов пространственной мобильности, а также вопросам практического применения результатов миграционных исследований, которыми обосновываются необходимые направления регионального планирования и развития [7, 8 и др.]. Наиболее интересен, на наш взгляд, опыт немецких исследователей и работы, которые посвящены мобильности населения на территории ФРГ. Для России, как было сказано выше, в настоящее время важны исследования межрегиональных потоков и миграционных связей с республиками бывшего СССР, в Германии хорошо изучены потоки такого характера, существующие между федеральными землями, внутри них, а также с соседними государствами.

Внутри Германии идеальным полигоном для миграционных исследований оказывается федеральная земля Бавария. Эта территория «с практически ненарушенной исторической традицией» отличается относительной стабильностью границ по сравнению с другими землями ФРГ, что способствовало формированию устойчивых миграционных связей между входящими в ее состав районами и городами. Территория Баварии характеризуется биполярностью пространственного устройства с доминированием Мюнхена и Нюрнберга как главных центров миграционного притяжения [3], а территории с высоким уровнем социально-экономического развития соседствуют с районами, относящимися к наименее развитым в Германии (в т.ч. земельные районы вдоль границы с Чехией). Результаты, полученные в ходе анализа трудовой мобильности, местного рынка труда и занятости в Баварии, могут быть использованы для сопоставления различных показателей миграционных процессов в российских регионах

с теми же процессами в зарубежных странах, выявления их общих трендов и российской специфики.

Связь трудовой маятниковой миграции с рынком труда и занятостью в Баварии в начале XXI века.

Ежедневные, еженедельные и сезонные поездки трудовых маятниковых мигрантов занимают важное место в процессах пространственной мобильности населения Германии. Если в 2001 г. трудовая мобильность охватывала здесь 13,4 млн чел. (в данном случае к комьютерам отнесены жители, пересекающие на пути к месту работы границы общин), то в 2013 г. это число достигло 16,4 млн чел. (что в 4 с лишним раза превышает число переселенцев) [14]. Ряды трудовых маятниковых мигрантов росли главным образом в старых землях ФРГ, особенно – в Баварии, где число комьютеров увеличилось на 19 % (т.е. более чем на 500 тыс. чел., что стало наибольшим показателем в стране) и в 2014 г. превысило цифру в 2,2 млн чел. у межрайонной и 3,1 млн чел. у межобщинной миграции. Быстрее всего росли потоки трудовых маятниковых мигрантов из Баварии в другие немецкие земли (132,6 % в 2013 г. к уровню 2004 г.) и межрайоные потоки в ее пределах (120,4 %; через границы земельных районов и городов внерайонного подчинения). Для сравнения, рост числа комьютеров через границы общин Баварии в этот период составил 114,6 %. Ежегодные темпы прироста трудовых маятниковых мигрантов увеличились в 13 раз (с 0,23 % в 2004 г. до 3,01 % в 2014 г.), тем самым вдвое опередив темпы переселенческой миграции.

На трудовую мобильность баварцев, в большей степени, чем на другие виды миграционных перемещений, оказал влияние мировой финансовый и экономический кризис 2008–2009 годов. В 2009 г. абсолютное число маятниковых мигрантов сократилось (на 681 чел. или 0,04 %), но, по сравнению с базисным 2004 г., произошло лишь некоторое замедление роста, вскоре возобновившегося.

Основной удар кризис нанес по внутриземельной мобильности: в 2009 г. была зафиксирована убыль таких комьютеров (–3415 чел., или –0,20 %). Спад, отмеченный на бавар-

ском рынке труда, минимизировал преимущества рабочих поездок по территории Баварии, т.к. издержки, связанные с дорогой, временно начали их перевешивать. Среди немногих примеров, когда кризис оказал обратное действие, подтолкнув работников к участию в трудовой миграции, стали поездки комьютеров на завод компании «Audi», расположенный в г. Ингольштадт. Руководство предприятия в условиях кризиса приняло нестандартное решение: был объявлен набор сотрудников для расширения выпуска новых моделей автомобилей. В число принятых на работу вошли многие бывшие (в т.ч. попавшие под сокращение) работники компании-поставщика автомобильных запчастей «Schaeffler», чей головной завод находится близ Нюрнберга – почти в 100 км к северу от Ингольштадта [4].

Число комьютеров, выезжающих на работу за границы федеральной земли, даже в кризисный 2009 г. продолжало увеличиваться (замедлились только ежегодные темпы прироста), что могло быть связано с активным поиском рабочих мест в других землях Германии. Следует отметить, что «истинно трансграничные» поездки, т.е. миграционные потоки между Баварией и другими странами, на фоне мобильности внутри федеральной земли невелики: лишь немногие баварцы пользуются близостью зарубежных рынков труда (но их потоки, как и встречные потоки в Баварию из других стран, растут). Для баварцев наиболее привлекательны для трудоустройства по ту сторону границы оказываются австрийские земли Тироль, Верхняя Австрия (в 2007 г. каждая из них принимала по 4 тыс. баварских маятниковых мигрантов) и Зальцбург (3,5 тыс.) [11], а также Швейцария (здесь в 2014 г. трудилось ок. 1 тыс. баварцев) [15], где трансграничному сотрудничеству на рынке труда благоприятствуют общность языка и образовательной системы. Бавария как цель миграции наиболее интересна жителям Чехии (в 2008 г. ок. 3,7 тыс. чехов трудилось в Баварии [13]). Здесь важную роль играет разница в населенности и экономическом развитии территорий. Так, если в 2011 г. в приграничных районах с чешской стороны жили 1,5 млн чел., 15 % населения страны [16], то с баварской – всего 0,9 млн чел., или

7,6 % жителей федеральной земли [12], поэтому число потенциальных мигрантов среди баварцев невелико. Уровень безработицы в Чехии выше, а квалификация работников – ниже, чем в баварских приграничных округах Верхняя Франкония, Верхний Пфальц и Нижняя Бавария, поэтому чешских комьютеров устраивают даже низкооплачиваемые рабочие места на баварских предприятиях. Баварцы если и работают в Чехии, то чаще всего оказываются заняты в сферах корпоративного управления, в научно-технической и в образовании.

В 2010–2011 гг., как и во всей Германии, экономика Баварии ожила, а обстановка на рынке труда нормализовалась. С2010 г. темпы ежегодного прироста общего числа баварцев-комьютеров стабилизировались и, несмотря на колебания, стремились вернуться к предкризисному уровню. Пик интенсивности прироста абсолютного числа маятниковых мигрантов за период 2004–2014 гг. пришелся на 2011 г. (3,25 %), при этом внутриземельные комьютеры впервые опередили тех, чья трудовая мобильность была связана с выездом в другие немецкие земли (3,26 % против 3,19 %).

Наряду с общим числом трудовых маятниковых мигрантов в Баварии происходит постепенное увеличение их доли среди занятых: если в 2004 г. она была равна 41,7 %, то в 2014 г. составила уже 44,3 %. Эта тенденция, свойственная стране в целом, здесь проявилась даже в большей степени (в Германии доля комьютеров среди занятых 33,0 % по данным о пересечении границ районов и городов внерайонного подчинения в 2013 г.) [12].

Ситуация на рынке труда, как местного, так и земельного масштаба, в том числе в других немецких землях, оказывает непосредственное влияние на трудовую мобильность в пределах Баварии. В свою очередь, маятниковая миграция населения представляет собой один из основных механизмов выравнивания дисбаланса спроса и предложения рабочей силы в регионе. Оценка взаимозависимости между трудовой маятниковой миграцией и занятостью населения Баварии, показывает, что существует очень сильная прямая пропорциональная связь между числом комьютеров и такими по-

казателями, как общее число рабочих мест и число занятых неполный рабочий день (0,9626), а также столь же тесная обратная взаимозависимость между числом комьютеров и т.н. маргинальных занятых (табл. 1).

К маргинальным занятым в Германии принято относить трудящихся на низкооплачиваемых (с доходом до 450 евро в месяц), краткосрочных и нерегулярных работах. Сфера маргинальной занятости в стране быстро растет: число таких работников увеличивается в среднем на 2,4 % в год (в то время как общее число занятых лишь на 0,7 %), а их доля среди занятых в 2014 г. составила 13,3 % [6]. Этот показатель для Баварии несколько ниже среднего по стране – 12,3 %, но в пик финансово-экономического кризиса также доходил до 13,2 %. Краткосрочная и разовая работа часто становится решением для тех, кто лишился постоянной. В этом случае – при падении собственных доходов – оказывается выгоднее работать по месту жительства, снижая транспортные и иные расходы,

Таблица 1

Парные коэффициенты корреляции для показателей трудовой маятниковой миграции и занятости населения Баварии

	Число комьютеров	Число рабочих мест в Баварии	Число занятых неполный рабочий день	Доля маргиналов среди занятых
Число комьютеров	1			
Число рабочих мест в Баварии	0,9857*	1		
Число занятых неполный рабочий день	0,9622**	0,9805**	1	
Доля маргиналов среди занятых	–0,8658*	–0,9175**	–0,8873*	1

Примечания: расчет по показателям за период с 2003 по 2014 гг. (* с учетом данных за 2012 г., ** без данных за 2012 г.).
Рассчитано по: [6, 12].

что объясняет отрицательный знак корреляции между маргинальной и всей занятостью (числом рабочих мест), а также между маргинальной занятостью и числом компьютеров. Однако даже в такой ситуации не исключено, что работодатель, заинтересованный в привлечении мобильных кадров, будет готов предложить сотрудникам гибкий рабочий график или неполный рабочий день. В целом по Германии в 2011 г. по сравнению с 2000 г. неполная занятость выросла на 30,5 % и охватила почти 12,6 млн чел. (34,5 % от общего числа занятых) [9]. Быстрее всего росло число занятых по временным договорам и менее 18 часов в неделю. В Баварии доля занятых неполный день к 2014 г. достигла 25,0 % от общего числа занятых или свыше 1,2 млн чел. (для сравнения, 14,2 % и 619,5 тыс. чел. в 2000 г.) [12]. Таким образом, маргинальная занятость в отдельные годы становилась фактором сдерживания роста или даже причиной сокращения числа маятниковых мигрантов.

Трудовая мобильность в сравнении с переселением на новое место жительства дает участникам ряд преимуществ. Она позволяет найти лучший вариант трудоустройства и избежать материальных и других издержек, возникающих при переезде и от которого могут удерживать разные причины: желание сохранить привычную среду обитания, социальные контакты, привязанность к малой родине, размер и состав семьи, условия трудоустройства ее членов, наличие собственного жилья и др.

Частные компании и органы государственной власти в Баварии создают рабочие места, привлекательные именно для трудовых маятниковых мигрантов. Такая политика «профессионального менеджмента территориальной мобильности» направлена на повышение доступности предприятий для компьютеров, на снижение у работников уровня стресса от регулярных поездок на работу вдали от дома и т.п. Мобильным жителям предлагаются меры финансовой поддержки, включая специальные тарифы на общественный транспорт и налоговые вычеты (возможность вернуть т.н. расходы на работу, к которым относятся затраты на билеты, бензин для личного автомобиля, на ведение двойного домохозяйства при аренде второго жилища рядом с местом работы и др.). Дорож-

ные расходы также можно экономить, разделяя их с попутчиками в поездках к месту труда (для их поиска маятниковые мигранты пользуются специальными интернет-сайтами) или отказавшись от использования собственных автомобилей и пересев на общественный транспорт, участвующий в специальных программах (например, программа немецкой государственной железнодорожной компании «Deutsche Bahn», благодаря которой дается возможность уменьшить парковочные затраты и, одновременно, направленная на улучшение экологической обстановки из-за снижения уровня загрязнения воздуха, шумового загрязнения и т.д.). Для комьютеров также создаются перехватывающие парковки и другая транспортная инфраструктура. К реализации предлагаются и такие нестандартные проекты, как скоростные магистрали для комьютеров-велосипедистов. С другой стороны, многие муниципалитеты вводят налог на второе жилье для тех, кто на их территории владеет недвижимостью, относящейся к категории дополнительной к основному домовладению, а также для тех, кто арендует такое жилье. Высокая ставка такого налога относительно заработной платы может побуждать к работе вдали от дома в течение длительного периода (с возвращением только на выходные дни или еще реже).

От участия населения в трудовой маятниковой миграции выгоды извлекают не только сами комьютеры и территории, их принимающие (от получения дополнительной рабочей силы, клиентов местной торговли, ресторанного бизнеса, других секторов сферы услуг), но и регионы-поставщики мигрантов. Плюсы последних проистекают из того факта, что люди не уехали насовсем, и способствуют укреплению экономики родного региона частью своей покупательной способности, а также налоговыми отчислениями в местный бюджет. Платя подоходный налог и налог на прибыль по месту жительства, а не труда, немецкие работники приносят в муниципальные бюджеты его долю в размере 15 %. Кроме того, их по-прежнему можно отнести к потенциально местной рабочей силе, если в их «спальном» районе в связи с изменением экономической обстановки на нее увеличится спрос.

Выводы

Таким образом, в общей картине мобильности населения в Баварии (как и в Германии в целом) в начале XXI в. трудовая мобильность приобретает все больший вес, ряды комьютеров активно пополняются, а географические масштабы – расширяются (в том числе за счет миграционных потоков через границы федеральной земли с остальной территорией ФРГ и соседними странами). Это происходит под воздействием разнонаправленных факторов, включая глобальные процессы (мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.). Особенности местного рынка труда и занятости населения Баварии также влияют на трудовую мобильность, как сдерживая рост числа комьютеров (например, из-за роста маргинальной занятости), так и стимулируя формирование потоков маятниковых мигрантов (рост доли занятых неполный рабочий день, целенаправленное создание привлекательных рабочих мест для мобильных жителей, активное трансграничное сотрудничество на рынке труда соседних стран и др.).

Выявленные на территории Баварии тенденции могут быть использованы для проведения сравнительного анализа трудовой мобильности в России и за рубежом, результаты которого позволят найти общие направления миграционных процессов и особенности, присущие только российским регионам.

С другой стороны, действенность и результативность косвенных методов анализа (например, сопоставление емкости местных рынков труда с численностью трудовых ресурсов), предложенных отечественными исследователями как возможное решение при недостатке официальных данных о трудовой мобильности [1, с. 129–130], могут быть уточнены, если тот же метод применить на территории, где статистика многогранна и включает различную информацию о показателях занятости и, одновременно, достаточно точные данные о численности трудовых мигрантов (как, например, в случае Баварии).

Литература

1. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

2. Миграция в зеркале стран СНГ (молодежный ракурс) / Под ред. И. Молодиковой. – М., 2006.
3. *Старикова А.В.* Миграционная подвижность населения на территории Баварии // Вестник московского университета. Серия 5. География. 2013. № 4. С. 69–75.
4. *Сумленный С.* Чем спасется Монобург? // Эксперт. – 2009. № 33. С. 18–26.
5. *Abraham M., Nisic N.* Regionale Bindung, räumliche Mobilität und Arbeitsmarkt // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie, 33. 2007. S. 69–87.
6. Arbeitsmärkte im Wandel. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2012.
7. *Boyle P.J., Halfacree K.H., Robinson V.* Exploring Contemporary Migration. Longman, 1998.
8. *Kropp P., Schwengler B.* Abgrenzung von Wirtschaftsräumen auf der Grundlage von Pendlerverflechtungen. Ein Methodenvergleich // IAB-Discussion Paper. 2008. № 41.
9. Licht und Schatten im Beschäftigungssystem – Entwicklung der Erwerbstätigkeit in den letzten 20 Jahren. DGB Abteilung Arbeitsmarktpolitik. 2012. № 2.
10. *Pfaff S.* Pendeln oder umziehen? Mobilitätsentscheidungen in Deutschland zwischen 2000 und 2009 // Zeitschrift für Soziologie, Jg. 41, Heft 6. 2012. S. 458–477.
11. Scientific Report on the Mobility of Cross-border Workers within the EU-27/EEA/EFTA countries. MKW Wirtschaftsforschung GmbH, Munich. 2008.
12. Баварское земельное ведомство по статистике. www.statistik.bayern.de
13. Министерство труда и социальных дел Чехии. www.mpsv.cz/cs/7448
14. Немецкое Федеральное агентство по труду. www.arbeitsagentur.de
15. Федеральное статистическое управление Швейцарии. www.bfs.admin.ch
16. Чешское статистическое управление. www.czso.cz

Раздел II
НОВЫЕ/СТАРЫЕ СМЫСЛЫ ВНЕГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Н.Е. Покровский
НИУ Высшая школа экономики

«ПО ЭТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ». ФОРМЫ КРИЗИСНОГО «ПОТРЕБЛЕНИЯ ГОРОДА» И ИХ ДЕЗУРБАНИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА[1]

Противоречивое состояние современного социума порождает новые формы потребления или способствует выходу на передний план таких его видов, которые прежде находились в свернутом или эмбриональном состоянии. К числу подобных феноменов можно отнести концепты «потребление города», «право на город», рассматриваемые в рамках урбанистики.

Город – естественно-рукотворная среда обитания социобиологического вида homo sapiens. Городская среда с точки зрения социологии многообразна, изменчива, поливалента, противоречива. Однако в современном постиндустриальном обществе город раскрывает и свою потребительскую сторону, притом акцентированно выводит ее на передний план. Жить в современном городе, в соответствие с принципами потребления, должно быть удобно, город должен создавать комфортные условия для передвижения (мобильность), интеллектуальной самореализации индивидов, находящихся в состоянии конструирования самоидентичности («я ищу себя», «я должна [должен] разобраться в себе» и т.д.), установления необременительных межличностных связей, деполитизации, отключения от восприятия социальных контрастов и противоречий, отодвигаемых на задний план или уводимых за горизонт просматриваемости. В этом, со-

[1] Текст подготовлен в рамках исследовательской программы по гранту РФФИ 16–06–00572 «Модели кризисной трансформации практик потребления и его оптимизации в современной России», реализуемой в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

гласно принципам урбанистики, как раз и реализуется «право на город» (Анри Лефевр, 1901–1991), что в свою очередь трансформируется у Лефевра в процесс «производства пространства». Право на город подразумевает ментальную установку на конструирование социальных смыслов среды обитания с ориентацией на внутренние запросы индивида. Это и получило наименование «производства пространства», прежде всего пространства городского[2]. В этом смысле, перефразируя З. Фрейда, можно сказать, что современный город XXI века должен находиться «по эту сторону принципа удовольствия».

Рассмотрением этих установок и их реализацией занимается урбанистика – междисциплинарная социально-планировочная, архитектурно-дизайнерская, культурологическая и социологизирующая отрасль городских исследований. Урбанистика ведет свое основное летоисчисление от выдающегося немецкого социолога Георга Зиммеля (1858–1918) и представителей Чикагской школы 1920–30-х годов[3]. При этом и Г. Зиммель, а равно и Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Макензи и др., исследуя город, как раз фокусировались на многоплановом и противоречивом характере городской среды, рассматриваемой в комплексе, а не виде потребительского среза. Однако имитация и принцип «игры в серьезное» как раз и характеризуют определенные направления современной урбанистики с реализуемыми ею проектами трансформации городской среды.

Важная особенность урбанистики состоит в том, что она ставит своей целью не только описание, осмысление и интерпретацию города (что также имеет место в урбанистической социологии и культурологии), но именно конечное изменение физической среды обитания человека в наиболее масштабном, затратном и фундаментальном ее варианте – планировке и застройке городской среды. То есть это в прямом лефевровском смысле «производство пространства». Но в отличие от экспериментов в области гуманитарной культуры, искусства и литературы урбанистика «работает» с большими и сверх-

[2] *Анри Лефевр.* Производство пространства. Перевод с французского. М.: Strelka Press, 2015.

[3] Чикагская школа социологии. Сб. переводов/ИНИОН РАН. Составитель и переводчик Николаев В. Г. – М., 2015.

большимы объектами и на больших площадях охвата. К отличительным особенностям урбанистических проектов можно отнести следующие мозаичные концепты и их реализацию:

- «Право на город» – концепт Анри Лефевра, превращенный в слоган урбанистики;
- город, привлекательный для туризма;
- брендирование города; создание привлекательного имиджа города;
- культ центра города, «центральность»; отсутствие интереса к периферийности;
- комфортность; город «успокаивающий», удобный для проживания;
- времяпрепровождение в публичной среде; демонстрационность;
- трековость; пешеходные пути и треки, пешеходные зоны и концепция фланерства; прогулки, гуляние в городе, беззаботный отдыхающий гражданин, тратящий средства на потребление; фланерство как форма мобильности;
- максимальная доступность и приоритетность консумеристских точек и объектов (малые торговые центры, бутики, «кафешки», дорогие рестораны, фитнес-салоны и пр.);
- перформативность в городе («общество спектакля») как градообразующий принцип и соответствующие ей площадки;
- публичные зоны и пространства, создающие условия для искуственно стимулируемой коммуникации; публичные дискуссии по частным вопросам при отсутствии обсуждений реальных проблем нашего времени;
- «уютизация» повседневности; дворовые и междомовые пространства; «садики», детские площадки, малые архитектурные формы на фоне сохранения нерешенных проблем (доступное жилье, здоровое питание, эффективное медицинское обслуживание, гуманистическое образование и др.);
- объекты и зоны для проведения интеллектуальных мероприятий, имитирующих «серьезную» науку, культуру и искусство (лекционные зоны, открытые музеи, выставочные пространства);

- фестивальность и карнавализация; шествия, маскарады, ряженые;
- «фасадизация» архитектурных памятников в исторической застройке городов; сохранение фасада здания с полным уничтожением всего здания или его коренной перестройкой;
- визуальность и визуализация как доминирующий принцип; преобладающий акцент на видимых (визуальных) средствах воздействия и отключение рационального анализа и осмысленной аргументации; включение света и цвета в качестве главных конструирующих факторов; освещение зданий и площадей, фестивальные иллюминации, иллюминированность всего и вся, наружная реклама, дизайнерски сгенерированные граффити, постоянная покраска и перекраска всех видимых плоскостей архитектурных объектов; витринность – выставление всего напоказ; демонстративная транспарентность при фактическом уводе на задний план реального внутреннего содержания;
- стритарт; широкое применение монументальной росписи торцов многоэтажных зданий в формате сомнительных по своей эстетике и профессионализму стилизаций и плакатности;
- культурные площадки для массового и во многом имитационного потребления искусства;
- музеефикация любых объектов;
- мифологизация истории; приближение города к персонифицированной истории; бронзовые скульптуры исторических персонажей в натуральную величину, установленные в центрах пешеходных потоков и рекреаций; непременное и массовое селфи-фотографирование на фоне и в обнимку с историческим героем;
- конструирования исторической памяти, муляжность воспроизведения исторических объектов; реновация исторических архитектурных объектов и замена их псевдоисторическими новостроями.

Таковы в общих чертах отличительные особенности философии «права на город» в ее достаточно развитых вариантах в современном мегаполисе. Это ничто иное, как превращение

города в комплексный предмет потребления. Причем отдельные точки и объекты реализации потребительских устремлений в современном мегаполисе объединяются в единый многообразный урбанистический комплекс потребления, что дает основание предлагать концепцию «потребления города» как такового во всех его вариантах. Об этом говорят и колоссальные размеры финансовых инвестиций в эти программы со стороны государства и корпораций. свидетельствуют о том, что мы имеем дело не только и не столько с решением социальных или бизнес-задач, сколько с некими иными целями. И эти иные цели, как представляется, доминируют.

Возникает вопрос, для кого, в интересах кого реконструируется городская среда по описанным выше лекалам. В условиях кризиса и общей озабоченности экономическим будущим большой системы высшие классы общества мало причастны к потреблению города в контексте урбанистической программы. Высшие классы достаточно давно создали свои зоны анклавного обитания; они потребляют эти «зоны», прежде всего в субурбиях, либо в рамках изолированных объектов точечной и охраняемой застройки, отгороженных от внешнего мира. Средний класс, поднявшийся в годы процветания нефтяной экономики, но находящийся сейчас в межумочном состоянии, на глазах теряет свою причастность к урбанистической реконструкции мегаполиса. А ведь, по большому счету, урбанизм и был рассчитан на средний класс и на него опирался как на класс потребляющий. Низшим слоям общества урбанистическая программа была чужда по определению, они не живут в центре города и посещают его крайне редко. Их зона – это периферия мегаполиса, пригороды и спальные районы.

Кто же в наши дни заполняет зоны урбанизации?

Скорее всего, можно вести речь о маргинальных группах молодежи, отчасти студентах, молодых людях без профессии, отпрысках представителей высших и средних классов. Главные системообразующие признаки этой группы: (а) неозабоченность зарабатыванием средств для повседневного существования, (б) инфокоммуникационная аддикция, (в) невключенность в социальный контекст города и «прожива-

ние», переживание времени в свой идеосфере. Данная группа с размытыми социальными характеристиками составляет основное наполнение зон урбанистической трансформации мегаполиса; она же оказывается и носителем идеологии/философии «права на город» как пространства специфического потребления материальных и культурных ценностей.

Такой город и такое «производство» городского пространства в своих развитых формах «самоопределения себя» создает почву для роста внутреннего протеста в среде иных социальных групп, возникновения устойчивого внутреннего дискомфорта и желания выйти за пределы этой зоны массового потребления и культурной вульгаризации. Это в свою очередь наполняет новым содержанием тренд дезурбанизации – обратной миграции из города во внегородскую среду тех, кто видит свое будущее по-другому. Эти иные условия характеризуются приоритетом инвайронментальной экологии, очищением сознания от воздействия поверхностного фланерства, гармонизацией межличностной коммуникации и др. В различных своих формах дезурбанизация, или контрурбанизация, рекрутирует в свои ряды профессионалов, работающих в удаленном доступе и создающих во внегородских анклавах «чистую» культурную среду для себя и своих семей.

Дезурбанизационный тренд все заметнее заявляет о себе на территории Европейской части РФ, стимулируя новые внегородские поселения или трансформацию традиционных поселений (деревень) в радиусе до 600 км и более от центров мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга [Потенциал Ближнего Севера, 2014].

Таким образом «потребление» города приводит к его наступающей самоисчерпанности и переходу в свое внегородское инобытие.

Литература

1. *Лефевр А.* Производство пространства. Перевод с французского. – М.: Strelka Press, 2015.
2. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения (коллективная научная монография) / Под

редакцией Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. – М.: «Логос», 2014.
3. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Я и Оно. – М.: АСТ, 2011.
4. Чикагская школа социологии. Сб. переводов/ИНИОН РАН. Составитель и переводчик Николаев В. Г. – М., 2015.
5. *Benjamin W.* (2002), *Tiedemann W.*, ed., The Arcades Project, New York: Belknap Press.
6. *Pokrovsky N., Guseva U.* (2012, April 9). Alternative to urbanization: Life after the city. livebetter Magazine. Retrieved from http://livebettermagazine.com/article/alternative-to-urbanization-life-after-the-city/
7. *Urry J.* (2008). Climate change, travel and complex futures. British Journal of Sociology, 59, 261–279.
8. *Sassen S.*(2002). Cities in a world economy // In S. S. Fainstein & S. Campbell (Eds.), Readings in urban theory, Malden, MA: Blackwell Publishing.

В.И. Ильин
Санкт-Петербургский государственный университет

ДВУМИРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТИНУУМА «ГОРОД-ДЕРЕВНЯ»[1]

В основе исследовательской гипотезы, выдвигаемой для изучения постаграрной трансформации деревни, мною предлагается взгляд на историческую динамику поселенческой структуры через призму категории двумирности, предложенной в свое время Михаилом Бахтиным (1990): концепт бинарности, дуализма в организации и ментальном отражении социальной жизни как объяснительная модель помогает понять не только парадокс карнавала в средневековой Европе (М. Бахтин), но и приблизиться к пониманию специфики современной сельской жизни.

[1] Статья подготовлена в рамках реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов» проекта РФФИ 15–06–08421 А «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ».

Суть концепции «двумирности» состоит в том, что есть мир рутинизированной повседневной жизни, зажатой в жесткие рамки разнообразных норм, но подавляемые устремления, потребности, желания (бессознательное, если говорить на языке З. Фрейда) требуют выхода. Они прорываются в виде сновидений, неврозов и девиантных действий. Как писал З. Фрейд, извращенец делает то, что невротик видит во сне. И карнавал – это институционализированный, легальный, но жестко ограниченный во времени и пространстве другой мир, другая жизнь, где отменяются или существенно смягчаются многие жесткие ограничения, действующие в этом мире, а вместо них вступают в действие ценности и нормы иной жизни.

Модель двумирности можно рассматривать как универсальный принцип организации человеческой жизни. В его основании можно выделить несколько механизмов.

Во-первых, двумирность как механизм осознания и постижения реальности. Противоположности познаются друг через друга, помогая раскрыться друг другу. Подлинный гедонизм предполагает аскетизм как фон для сравнения. Человек, не знавший тяжелого труда, не познает подлинного наслаждения отдыха. Не знавший голода не испытает наслаждения от пищи. Не живший в толпе не сможет наслаждаться одиночеством, как не знавший одиночества не поймет радости общения и простого пребывания в толпе. Не живший в каменных джунглях городов не испытает радости от встречи с природой. Второй мир раскрывает глаза на первый.

Во-вторых, двумирность как механизм организации отдыха. Есть банальная истина: отдых – это перемена деятельности. Можно пойти дальше: это смена стиля жизни, включающая не только образцы поведения, но и ценностно-нормативную систему, условия.

В-третьих, двумирность как способ существования гибкого рынка труда. Спрос на труд колеблется в режиме сезонов и проектов. Кроме того, место работы часто либо имеет временный характер либо расположено там, где постоянное проживание некомфортно (удаленные северные районы) или чрезмерно дорого (покупка жилья в Москве). Такая ситуация

на рынке труда порождает спрос на мобильную рабочую силу, готовую трудиться вдали от дома.

И будущее малых населенных пунктов на ближайшую перспективу раскрывается именно в контексте двумирности как универсального принципа организации жизни человека. Жизнь в большом городе в настоящий момент, когда нет никаких катастроф, но местами чувствуется сильный дискомфорт, чаще порождает стремление не убежать, а периодически убегать из него в противоположный мир, где действует совершенно иная логика, иные правила. В свою очередь, жизнь в деревенской тиши угнетает однообразием, порождает скуку и стремление попасть в суету и интенсивные ритмы большого города. Естественная организация жизни в настоящий момент предполагает не альтернативу типа «либо Москва, либо деревня Медведево!», а гармоническую формулу «И Москва, и Медведево!». Есть мир, где зарабатывают деньги, но есть мир, где сливаются с природой. Разумеется, это вывод, ограниченный логикой поведения современных людей.

Двумирная организация поселенческой структуры родилась не сегодня. У нее длинная и богатая история.

В современном российском обществе формируются заметные факторы, которые, с одной стороны, усиливают привлекательность территориально двумирного образа жизни, а с другой – делают его возможным.

1. Модернизация транспортной инфраструктуры. Совершенствование дорог – автомобильных и рельсовых, а также усовершенствование всех транспортных средств сжимают географическое пространство. В результате дальнее становится близким, недоступное – доступным, а удаленные районы превращаются в дальние пригороды мегаполисов. Туда уже можно выезжать не только в отпуск, но и на выходные. Иначе говоря, место, где находится иной мир, часто уже не является целью дальнего и трудного путешествия, а оказывается достижимым в пределах умеренных затрат разных ресурсов.

2. Формирование информационного общества. Оно предлагает возникновение параллельной («облачной») реальности, в которой можно работать, находясь в любом месте физиче-

ского пространства. В результате расширяются возможности для экс-территориальной организации труда (дистанционно удаленные рабочие места). При наличии такого места вполне реальной становится возможность совмещения жизни вблизи к природе и работы в фирме, расположенной в большом городе. Иначе говоря, место работы и место проживания могут быть расположены в разных мирах.

3. Развитие гибких форм занятости. Они выводят людей за пределы жесткого расписания дня, смещают контроль с тела, находящегося в указанном месте, на результаты труда, полученные в любое время и в любом месте. Такие сдвиги в организации труда расширяют возможности территориальной двумирности.

4. Формирование экологического сознания. Этот фактор резко повышает ценность природной среды и чистых продуктов питания. Мало иметь хорошую заработную плату, надо иметь еще возможность превратить ее в чистый воздух, спокойную жизнь, близость к природе, экологически чистые продукты питания.

5. Заметное ухудшение условий жизни в больших городах, стимулирующее поиск выхода в двумирном образе жизни. Это проявляется в ухудшении экологических условий существования, высокой интенсивности транспортных потоков, систематически превращающихся в пробки, что порождает огромные иррациональные затраты времени, высокой плотности расселения, выдавливании из городов и без того ограниченных островков природы в виде парков, скверов, зеленых дворов и т.д. В то же время в России не создаются города, обеспечивающие гармонию человека с природой. Человека принуждают выбирать между деревней и большим городом. Ответная реакция – поиск стратегий двумирного образа жизни.

За двумирностью могут стоять разные причины. На одном полюсе принуждение жизненных обстоятельств. Так бедность часто гонит жителей малых поселений на заработки в большие города или стройки в удаленных регионах, она же не позволяет остаться в столице.

На другом полюсе – двумирность сытого человека. Она растет из его стремления – стихийного или осознанного – добиться своего гармоничного развития, углубить видение и понимания окружающей его жизни, выбыть из гонки за искусственными ценностями, навязываемой корпоративной культурой.

Таким образом, по мере развития общества и людей меняются причины, порождающие схожую жизненную стратегию. Одни прибегают к ней, убегая от материальной нищеты, другие – в поисках себя. Ее суть не в дуализме, т.е. противопоставлении как противоположностей большого города и деревни, а в дуальности, то есть во взаимопроникновении противоположностей, превращающихся в две взаимодополняющие стороны одного образа жизни.

Современная жизнь показывает немало ростков двумирности в социальной организации поселенческой структуры. И здесь своеобразно сталкиваются процессы урбанизации и дезурбанизации, наслаиваются друг на друга разнородные социальные и культурные слои, взаимодействуют сельские жители и дачники, рождаются новые смыслы и типы социальных взаимоотношений [Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Николаева У. Г., 2016].

Разумеется, тезис о трансформации двумирности нельзя рассматривать как универсальный. Собственно говоря, ни одна объяснительная модель не тянет на этот статус. Такая трансформация затрагивает лишь часть социального и географического пространства России, хотя уже заметную часть. В такой образ жизни втягиваются в первую очередь жители крупных городов. А пространством развертывания двумирного образа жизни являются деревни, привлекательные для горожан в качестве удобной и приятной альтернативы городу. В качестве факторов, делающих такую трансформацию вероятной выступаю удаленность от большого города, качество дорог и транспортная инфраструктура, экологическое состояние и наличие привлекательных пейзажей. Разумеется, далеко не все российские деревни обладают такими ресурсами.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: «Художественная литература», 1990.
2. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. Научная монография / Под ред. В.И. Ильина и Н.Е. Покровского / Под общ. ред.: Н.Е. Покровский, В.И. Ильин; науч. ред.: Н.Е. Покровский, В.И. Ильин. М.: Университетская книга, 2016.
3. *Ильин В.И.* Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 41–54.
4. *Ильин В.И.* Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25–47.
5. *Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования (СОЦИС), 2015, № 12, с. 60–69.
6. *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Николаева У.Г.* Интеллигенция в пространственном измерении внегородской России // Социологические исследования (СОЦИС), 2016, № 12, С. 52–61.

А.Ю. Макшанчикова
НИУ Высшая школа экономики

ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ТРУДА[1]

XXI век – это век торжества урбанизации, век роста мегаполисов и технологизации городской жизни. При это возникает множество проблем, связанных не только с физическим

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) – проект № 17–33–00065 «Горожане в деревне: дауншифтинг представителей научной и творческой интеллигенции в современной России (социологический анализ)» (реализация в НИУ «Высшая школа экономики»).

городским пространством (плохая экология, перенаселенность, высокая стоимость жизни), но и с особенным социокультурным пространством (психологические переживания людей в городе, возрастающая преступность и пр.).

Усиление социальных, экологических и социо-психологических проблем крупных городов послужило толчком к началу процессов дезурбанизации и экологизации сознания. Непрерывный рост технического прогресса и развитие общества потребления, привели к возникновению в годах протестной концепции «simple living». Статья Сары Бен Бреатн «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е», освещает концепцию жизни ради себя, отказ от жизни ради карьеры [Breathnach, 1991].

Феномен дезурбанизации принимает различные новые формы: субурбанизация, дачное движение, появление экопоселений и др. Однако, теперь можем говорить не просто о переезде в сельскую местность и отказе от карьеры, но и о переносе в малые поселения не только своего быта, но и работы (удаленная работа, фриланс, предпринимательство и пр.). Возникает спрос на жизнь в экопоселках – внегородских пространствах, искусственно очищенных от достижений цивилизации и заселенных людьми, реализующими особый образ жизни. Одновременно с этим расширяется процесс дезурбанизации другой модели: горожане покупают дом в деревне и переезжают в сельскую местность, включаясь в местное сельское сообщество и сельскую жизнь в том виде, в котором она существует.

Таким образом, наряду с продолжающейся урбанизацией как доминирующим процессом в современном мире, отмечаем новые тенденции к дезурбанизации, миграции городского населения за пределы города. Сейчас комплекс проблем мегаполисов связан не только с физическим городским пространством (слабая экология, перенаселенность городских территорий, высокая стоимость жизни), но и с особенным социокультурным пространством (психологические переживания людей, возрастающая преступность и пр.). Это приводит к распространению различных новых форм организации быта вне города: субурбанизация, дачное движение, появление экопоселений в России и за рубежом.

Однако, теперь можем говорить не просто о переезде в сельскую местность и отказе от карьеры, но и о переносе в малые поселения не только своего быта, но и работы (удаленная работа, фриланс, предпринимательство и пр.). Возникает особый спрос на жизнь в экопоселках – внегородских пространствах, искусственно очищенных от достижений цивилизации.

Теоретической базой исследования стали работы социологов, обративших внимание на феномен дезурбанизации и структуру социального пространства. Обзор литературы посвящен исследованиям современных форм дезурбанизации, а так же раскрывает многогранность современного физического и социального рабочего места.

Одним из первых популярных дезурбанистских проектов стала работа Э. Говарда «Город-сад будущего» [Говард,1916]. Автор предложил градостроительную концепцию, в рамках которой предполагалось остановить рост Лондона и распределить население по менее плотно населенным поселениям, объединить лучшее от города и деревни. Проект города-сада представлял собой некую фантастическую альтернативу мегаполису.

Современные технологии приводят к новым возможностям человека – возможности жить вне привязки к контретным территориям приводит к тому, что исконно сельские территории постепенно оказываются населены городскими переселенцами.

В работах классиков социологии город и село рассматривались как протвоположные друг другу социальные структуры. Однако, происходит корректировка образа жизни современного человека внегородских поселений, что меняет представление о границах демаркации между селом и городом.

XXI век диктует новые тренды во всех сферах жизни современного человека: труд, быт, досуг. Жители мегаполиса находятся в эпицентре этих преобразований и испытывают на себе все особенности крупного города: траффик, перенаселение, технические прорывные открытия.

В классической социологической литературе малые поселения рассматриваются с социально-экономической позиции. Однако, теперь такие поселения – это не только сельское хозяйство и основанные на нем экономические отношения, не

просто социальное сообщество со своими структурами повседневности, но и особый новый образ жизни, к которому начинают стремиться жители мегаполисов. Это новая реальность, начальный этап трудовой дезурбанизации (реруралиации).

Обращаясь к отечественным авторам, укажем статью Н. Е. Покровского «Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории)». Концепция «клеточной глобализации» Н. Е. Покровского предполагает, что процессы глобализации трансформируют и город, и сельские поселения. Более того, проникновение глобальных процессов наблюдается во всех сферах общества, что показано на кейсе Ближнего Севера Европейской России [Покровский, 2014].

Процессы дезурбанизации и экологизации принимают различные формы: субурбанизация, создание экопоселков и др., что является привликательной альтернативой мегаполису для современного делового человека. Появляется тенденция организовывать хозяйство и вести дела из той местности, которая традиционно считалась сельской в России или других странах. Предположим, что перенос части быта и труда в малые поселения России или других стран могут представлять собой отказ от жизни в крупном городе, однако, не отказ от достижений цивилизации.

Более того, выделенные Покровским характерные черты жителей сельских поселений, по-своему оказываются характерны и для городских жителей, переносящих быт в малые поселения:

- новая система рациональности (для сельских жителей начинает доминировать установка на экономическую рациональность, для отказавшихся от быта в мегаполисе – установка на баланс физического и психологического состояния);
- общая пластичность и гибкость (для сельских жителей – способность адаптироваться к нововведениям города, для отказавшихся от быта в мегаполисе – адаптация к жизни вне города);
- изменение восприятия географического пространства (для сельских жителей – возросшая географическая мобильность, проникновение информационных технологий, для

ушедших от жизни в мегаполисе – реализация потребности в ограничении географической мобильности, нормализация использования информационных технологий) и др.

Возникающий формат быта жителей, переехавших из города в деревню, зачастую связан и с некоторыми экономическими аспектами (например, потребление продуктов собственного производства снижает часть издержек на покупку овощей, ягод, зелени и пр.). Немалую роль играют и психологические возможности – вернуться в себя, видеть собственное «Я» вне городской суеты и правил. Одновременно с этим человек, валдеющий интернетом и современными информационными технологиями, может переселиться в деревню, сохранив прежнюю идентичность, привычки, профессию (работа в удаленном доступе). Все популярнее становится модель жизни на два или даже три дома (см. Исследования Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша).

Сложное современное общество определяется открытыми метафорами социального пространства (социальное электронное пространство), в которых происходит социальное конструирование реальности, которое, безусловно, не может не оказывать влияние на жизненный мир современного человека. XXI век является временем значительных социо-культурных, экономических и политических изменений. Меняются люди, паттерны их поведения в работе и вне. Меняются модели перемещения в пространстве, все больше возможностей открывается для дауншифтинга и дезурбанизации.

Следует полагать, что представители городского среднего класса определяют некую ценность жизни через баланс между работой и жизнью вне ее, отказываясь от привязок к пространству, месту, времени, тем самым, формируя новый образ жизни во внегородском пространстве.

Литература

1. *Berger P. L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.
2. *Bourdieu P.* Structures, habitus, practices. In P. Bourdieu, The logic of practice // Stanford, CA: Stanford University Press. 1990, p. 54.

3. *Ouye J.A.* Five Trends that Are Dramatically Changing Work and the Workplace Knoll Workplace Research, 2011. 15 p.
4. Sarah Ban Breathnach Living in A Lower Gear; Downshifting: Redefining Success in the '90s // The Washington Post. 1991
5. *Weber M.* Economy and Society. Vol. 1. Berkeley, 1978.
6. *Говард Э.* Города будущего. Сады – города и жилищный вопрос в Англии. СПб, 1916.
7. *Зиммель Г.* Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 419–420.
8. *Козырев.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль. Социологические исследования, No8, 2005 http://ecsocman.hse.ru/data/374/924/1219/017.KOZYREV.pdf
9. *Куценко О.Д.* Фазы и пути системных трансформаций: подобия и различия в бывших странах государственного социализма // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание. Харьков, 2004. С. 22–26.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.
11. *Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е.* Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52–61
12. *Парсонс Т.* Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270с.
13. *Покровский Н.Е.* Ближний Север в контексте мировых трендов (вопросы теории) // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 451–486.
14. *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
15. *Спенсер Г.* Основания социологии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996.

16. *Урри* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
17. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.

Е.А. Никишин
НИУ Высшая школа экономики

ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ЭСКЕЙПИЗМА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ[1]

Феномен дезурбанизации предстает перед нами на пересечении двух актуальных проблем, с которыми сталкивается наша страна – перенаселения городов и депопуляции села. Москва, как и множество других современных мегаполисов, наполнена целым рядом «повседневных кризисов». В качестве таковых исследователи отмечают высокий уровень преступности, постоянные «пробки», плачевную экологическую обстановку, обилие (не)легальных мигрантов. Все это заставляет значительную часть столичных жителей задуматься о возможности принципиального выхода за пределы города и освоении свободных территорий в комфортных зонах проживания.

Исследования данного феномена сталкиваются с рядом спорных вопросов – в первую очередь, демаркации города и села, значимости субъективного конструирования пространства и баланса между его физическим и социальным измерением. Теоретической базой рассмотрения дезурбанизации в статье служит парадигма мобильностей Дж. Урри, кроме того используется концепция привлеченного опыта В.Б. Зво-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) – проект № 14–18–03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», реализуемый в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

новского. Таким образом, в работе поднимается вопрос о новом фокусе исследования проблематики дезурбанизации – с акцентом на *потенциальных* переезжающих. Возможности современного исследователя позволяют найти необходимых информантов в тот момент, когда они только начинают задумываться о возможности переезда (вступают в сообщества, посвященные переезду в социальных сетях, просматривают сайты, задают вопросы и оставляют комментарии), что позволяет пролить свет на некоторые резонансные вопросы – например, вопрос расхождения результатов опросов, демонстрирующих нам колоссальное число желающих покинуть город [ФОМ: опрос «ФОМнибус», 2012] и сравнительно небольшое число тех, кто действительно на это решился. Основной задачей для последующих исследований, по нашему мнению, является выявление специфики системы дезурбанизационной мобильности, обуславливающей направление и протекание процесса на разных его стадиях, в первую очередь на стадии подготовки к переезду. Кроме того подчеркивается важность выявления априорных представлений о переезде, т.н. «сельской» местности и образе жизни, скрупулезное прослеживание трансформацию привлеченного опыта освоения пространства в личный опыт.

В качестве основных методов эмпирического исследования в данном контексте следует выделить сбор глубинных интервью, а также «мобильные» методы, отмеченные Дж. Урри [Урри 2012: 124–128] – дневник информанта, отслеживание онлайн-активностей. Говоря о практической значимости исследований, следует отметить потенциальный интерес раскрытия системы дезурбанизационной мобильности для бизнеса (рекламных фирм, компаний перевозок, оформления документации, рекрутинговых агентств и пр.).

Родоначальники контрурбанизационных исследований сходятся во мнении, что глобальная теория дезурбанизации невозможна, таким образом, в работах из разных стран, посвященных данному феномену (к примеру, кейс Афин [Gkartzios, Garrod, Remoundou 2013]) *формально* присутствует научная новизна. Однако концепты города и села, как правило, строящиеся на статистических данных о статусе кон-

кретного населенного пункта, по нашему мнению, требуют дополнительной теоретической проработки. При этом в данном контексте чрезвычайно важным представляется точная локализация темы, постольку, поскольку теоретические изыскания в данной области по масштабу зачастую превосходят решение практических задач, что несколько обесценивает значимость работ для публичной сферы.

Таким образом, одно из возможных направлений исследований – рассмотрение *потенциальных* дезурбанизантов, только планирующих свой отъезд, помимо возможных практических приложений – к примеру, в бизнесе (рекламных фирм, компаний перевозок, оформления документации, рекрутинговых агентств и пр.) прибавляет и академическую ценность, поскольку русскоязычных исследований данной конкретной проблематики в представленных теоретических координатах обнаружено не было. Кроме того данный эмпирический фокус позволяет выявить специфику субъективного конструирования понятий «город и село». Чтобы очертить логику возможных исследований и, затем, перейти к описанию работ, хотелось бы кратко описать трудности составления концептуальной модели и их потенциальные решения. В первую очередь, следует отметить очевидное: дезурбанизация – это определенная *мобильность*, вопросы возникают лишь относительно выбора языка ее описания.

Намного сложнее определиться с трактовками пункта отправления и пункта назначения. К примеру, придерживаясь «радикально» субъективистской ориентации мы рассмотрим переезд как исключительно субъективно конструируемую категорию, и, более того, найдем поддержку в социологических исследованиях данного феномена. Так, П. В. Василенко считает, что любые обобщения в данном контексте «едва ли уместны, ведь каждая миграционная история индивидуальна» [Василенко. Электронный ресурс]. Однако субъективное конструирование *ключевого* понятия привносит в него определенную долю пространственной эклектики – к примеру, москвич вполне может расценивать переезд в Санкт-Петербург как своего рода «дезурбанизацию».

В современных исследованиях дезурбанизации для проведения границ между этими конструктами (город и село) предлагается использование официальной классификации населенных пунктов, что, в контексте глобализационных трендов, представляется спорным. Так, Д. Харви считает, что следует пересмотреть свое отношение к определению города и его обитателей – ранее теоретизирование подразумевало географическую определенность, но теперь люди, проживающие в значительном удалении от крупных городов, вполне могут не отличаться от горожан по своему образу жизни [Harvey 1985]. В ранних работах, посвященных проблематике городской жизни, большинство классиков выстраивают дихотомические модели, в которых *городское* является противопоставлением *сельского*. В числе таковых следует отметить и Г. Зиммеля, и В. Зомбарта, и Ф. Тенниса. Г. Зиммель утверждает, что «глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью <...> деревни вносится в наши органы чувств, – этот фундамент нашей душевной жизни» [Зиммель 2002: 22]. В. Зомбарт очерчивает дорогу от «естественного» сельского человека до капиталиста – суть порождения города [Зомбарт. Электронный ресурс]. Ф. Теннис конструирует дихотомию Gemeinschaft – Gesellshaft, от «личного» села до обезличенного, формального города (цит. по [Ионин 1979: 164–179]). Однако глобализация сменила «правила игры», «делая внегородские поселения по стилю жизни городскими» [Нефедова, Покровский, Трейвиш 2015: 63]. Таким образом, эти рассуждения следует подытожить цитатой из этой же работы: «в современном глобализированном мире противопоставление «городской – сельский» потеряло свой основополагающий смысл. Такова пластика современности, объединяющая в новой комбинации полярные социальные формы» [Там же: 63].

Литература

1. *Berry B.J.L.* (1976) The Counterurbanization Process: Urban America since 1970. Urban Affairs Annual Reviews, no 11, pp. 17–30.

2. *Champion A.* (1992) Urban and Regional Demographic Trends in the Developed World. Urban Studies, no 29, pp. 461–482.
3. *Chaplin S.* and *Holding E.* (1997) Addressing the post-urban. Renaissance and Modern Studies, Vol. 40, No. 1, pp. 122–134.
4. *Cresswell T.* (2006). On the move: Mobility in the modern western world. Taylor & Francis.
5. *Dewey R.* (1960) The Rural-Urban Continuum: Real but Relatively Unimportant // American Journal of Sociology Vol. 66, No. 1.
6. *Fava S.F.* Beyond Suburbia (1975) The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 422 (1), pp. 10–24.
7. *Fishman, R.* (1987) Bourgeois Utopias: TheRise and Fall of Suburbia. NewYork: Basic Book.
8. *Harvey D.* (1985). Consciousness and the urban experience: Studies in the history and theory of capitalist urbanization (Vol. 1). Johns Hopkins University Press.
9. *HosszúS.*(2009).Counterurbanization:Aliteraturestudy.Danish Institute of Rural Research and Development. URL: http://static.sdu.dk/mediafiles/Files/Om_SDU/Institutter/Iful/Formidling/IFUL_WP_6_Counterurbanization.pdf
10. *Lang R.* and *Knox P.* (2009) The new metropolis: rethinking megalopolis, Regional Studies,43, pp. 789–802.
11. *Kontuly T., Wiard S., Vogelsang R.* (1986) Counterurbanization in the Federal Republic of Germany. The Professional Geographer, vol. 38, no 2, pp. 170–181.
12. *Mitchell C.* (2004) Making Sense of Counterurbanization. Journal of Rural Studies, no 20, pp. 15–34.
13. *Rabinovitz F., Lamare J., After Suburbia* (1971), The New Communities Movement in Los Angeles, Viability and Prospects for Metropolitan Leadership, ed. Werner Z. Hirsch (New York: Praeger, pp. 169–206.
14. *Sant M.* (1993) Coastal Settlement Systems and Counter-Urbanization in NSW // Australian Planner. № 31. P. 108–113.
15. *Shearmur R., Coffee R., Dube C.* and *Barbonne R.* (2007) Intrametropolitanemployment structure: polycentricity,

scat – teration, dispersal and chaos in Toronto, Montreal and Vancouver, 1996–2001, UrbanStudies, 44, pp. 1713–1738.
16. *Sorokin P.A., Zimmerman C.C.* (1929) Principles of Rural – Urban Sociology. N.Y.: Henry Holt and Company.
17. *Walmsley T.L.* and *Winters L.A.* (2005). Relaxing the restrictions on the temporary movement of natural persons: a simulation analysis. Journal of Economic Integration, Vol. 20, No. 4, pp. 688–726.
18. *Бауман З.* Текучая современность – Санкт-Петербург: Питер, 2008.
19. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bauman – globalizaciya-8l.pdf (Дата обращения 10.10.2016)/
20. *Василенко П.В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye – teorii – migratsii – naseleniya
21. *Гофман А.Б.* Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности. Социологические исследования, 2005(1), 18–25.
22. *Звоновский В.Б.* Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 4. С. 53. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/06/21/1212534544/Zvonovskij_2009_N4.pdf
23. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3–4 (34), 2002.
24. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Zomb/02.php
25. *Ионин Л.Г.* Социологическая концепция Фердинанда Тенниса // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / Под ред. И.С. Кона. – М.: Наука, 1979. – С. 164–179.
26. *Куклина М.В., Куклина В.В.* Акторно-сетевой подход к исследованию туристической индустрии на примере озе-

ра Байкал // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–8. – С. 1682–1686; URL: http://www.fundamental – research.ru/ru/article/view?id=36422
27. *Нефедова Т.Г.* Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки //Демоскоп Weekly. 2015. № 641–642. URL: http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php
28. *Пациорковский В.В.* Социология расселения как специальная социологическая теория //Социологические исследования. – 2012. – № . 4. – С. 25–34.
29. *Покровский Н.Е.* (2013) Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // Социологические исследования. – 2012. – № . 4. – С. 13–23.
30. *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69
31. *Филиппов А.Ф.* Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012.Т. 50. С. 8–23. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/2f.html (дата обращения 20.10.2016).
33. *Филиппов А.Ф.* Социология пространства. – Владимир Даль, 2008.
34. *Урри Дж.* Мобильности. – М.: Праксис, 2012. URL: http://socioline.ru/files/5/39/urri_dzh._—_mobilnosti_—_2012.pdf (Дата обращения: 10.10.2016).
35. *Урри Дж.* и др. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия //Foresight. – 2013.

Раздел III
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ В МАЛЫХ ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ

У.Г. Николаева
МГУ имени М.В. Ломоносова

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ СЕТИ ВЗАИМОПОМОЩИ В СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ КЕЙСОВ[1]

В жизни современных сельских сообществ противоречиво сочетаются современные информационные, финансовые и коммуникационные технологии, с одной стороны, и разнообразные дорыночные формы социального и экономического взаимодействия (реципрокция, обмен дарами, обмен помощью, блат, непотизм, использование родственных связей и другие).

Социальная жизнь сельских сообществ организована как «слоеный пирог»: одновременно сосуществуют различные модели социального взаимодействия и различные «эпохи» (с точки зрения исторического происхождения тех или иных форм). Наиболее архаичными в практиках сельских жителей оказываются отношения «реципрокции» (в терминах Карла Поланьи), включающие в себя отношения внутрисемейного «дачедележа», межсемейного «помогообмена», «услугообмена» (в терминах Ю.И. Семенова), а также отношения дарообмена и дароплатежа (открытые Б. Малиновским и осмысленные впоследствии М. Моссом, К.Поланьи, М. Салинзом,

[1] Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 14–18–03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

Ю. И. Семеновым и другими антропологами). Современные сельские жители, попадающие в трудные ситуации и нуждающиеся в помощи, получают ее в первую очередь от родственников (на безвозмездной основе) или от соседей (на безвозмездной и частично возмездной основе). Особенности отношений реципрокции, как она была описана исследователями, заключается в ее нерыночном, некоммерческом, «бескорыстном» характере. Такая помощь, «дача» или дар носят, как правило, неденежный характер (передача пищи или вещей первой необходимости, помощь трудом, оказание услуг, в том числе по уходу за больным, приготовление пищи, вспомогательный медицинский уход). Как правило единственным обязательством, которое налагается на получателя помощи, становится оказание встречной помощи в будущей в ситуации.когда такая помощь потребуется.

Однако даже в таких «архаичных» по происхождению формах социальной взаимопомощи, которая сохраняется в современных сельских сообществах с самых древних, фактически, первобытных времен, все большее значение приобретает использование новейших средств коммуникации, таких как – сотовая связь, Интернет, быстрые банковские переводы. Широкое распространение получили в последнее десятилетие в сельской местности новейшие средства коммуникации, что отмечают многие исследователями-социологами, в том числе члены экспедиций Угорского проекта РОО Сообщество профессиональных социологов. Практически у всех категорий населения – от школьников до пенсионеров – есть мобильная сотовая связь, банковские карточки, у многих интернет. Это новое техническое коммуникационное оснащение внесло определенные изменения в базовые отношения реципрокции, распространенные на селе. Дети, находящиеся далеко от деревни, в которой продолжают жить пожилые родители, регулярно используют интернет для общения, используют денежные переводы через банк или программы «банк-онлайн» для перевода денег пожилым родителям.

Все чаще не только соседи и ростевники, но и ранее незнакомые люди, узнавшие через сети Facebook, в Контакте, Од-

ноклассники, другие коммуникационные порталы (Change.org, например) о проблемах и нуждах малоимущих сельских семей или отдельных пожилых сельских жителей, – оказывают помощь (переводят деньги, высылают одежду, продукты питания или медикаменты, приезжают и оказывают помощь трудом на месте).

Один из показательных кейсов, обнаруженных автором в социологической экспедиции Угорского проекта 2016–2017 года, связан с жизнью в полупустой деревне Халбуж в Мантуровском районе Костромской области одинокой многодетной (8 детей) матери Евгении Стопаловой. Ее младшая дочь 5-ти лет – инвалид с осложненной формой ДЦП. В течение многих лет Евгении Стопаловой растить детей помогали в основном родственники из Москвы (сама Евгения – бывшая москвичка, переехавшая в начале 90-х годов в деревню), пересылая вещи для детей, приезжая и помогая летом по хозяйству. Чтобы не умереть с голоду еще в 90-е годы, Евгения и ее муж (еще до развода), завели коз и коров. Евгения научилась за ними ухаживать, заготавливать сено, делать сыр, завела огород. Вплоть до последнего времени семья с огромным трудом сводила конца с концами.

Ситуация несколько изменилась в последние два-три года. Благодаря распространению информации социальных сетях о тяжелом положении семьи Евгении Стопаловой через интернет (постоянную интернет-связь установили около 3 лет назад), Евгении удалось найти спонсоров и фонд, которые начали оплачивать частично лечение и реабилитацию младшей дочери, установили в деревенском доме деревянный пандус и навес. Евгения наладила сбыт молока и изготавливаемых молочных продуктов. Сегодня через социальные сети Евгения Стопалова, описывая свой семейных опыт и делясь информацией о лечении больного ребенка (в том числе гипотерапии), инициирует создание постоянной интернет-связи и взаимной помощи между живущими в разных концах страны родителями, имеющими детей-инвалидов с близкими диагнозами.

Другой пример, изученный нами в Мантуровском районе. По собственой инициптиве создала широкую сеть безвозмездной передачи вещей и игрушек для деревенских детей

в Леонтьевском сельском поселении бывшая москвичка Лана Горбачева, оставившая Москву и поселившаяся более 10 лет назад в деревне Угоры. Дружеские связи с местными жителями, с одной стороны, и москвичами-дачниками, которые привозили Лане ненужные вещи для самодельных кукол (Лана Горбачева делает авторские куклы) – послужили основой для создания крупного по местным меркам канала реципрокной помощи. При этом мобильная связь и интернет тоже активно используются – для выяснения и уточнения потребностей в вещах и другой помощи – для местных жителей.

Институт семьи и соответствующие практики семейной поддержки и взаимопомощи, внутрисемейные межпоколенные и соседские межсемейные экономические связи оказываются на селе важнейшими социальными механизмами, поддерживающими относительную стабильность современных сельских сообществ. Семья в условиях экономической нестабильности обеспечивает наиболее эффективное перераспределение ресурсов (финансовых, трудовых, временных, психологических) между разными поколениями и семейными подгруппами, причем материальные и нематериальные трансферты имеют сложную структуру, разную интенсивность, разнонаправленность. К примеру, пенсионеры – казалось бы, наиболее уязвимая с экономической точки зрения категория населения, получая маленький, но стабильный доход в виде государственной пенсии, оказываются зачастую единственным «гарантом» экономической стабильности всей сельской семьи. Немало сельских семей с взрослыми трудоспособными членами живут фактически на пенсии стариков. Семейная поддержка смягчает последствия от потери (временной или постоянной) трудоспособными членами семьи работы и доходов. Распространенный в современной деревне феномен отказа от создания семьи молодыми мужчинами и проживание с престарелыми родителями (своеобразный социальный инфантилизм) также нуждается в исследовании и объяснении. Велика роль межсемейных соседских связей, экономической и социально-психологической помощи, гораздо более важной в деревне, нежели в городе.

Однако длительная экономическая депрессия в сельских районах привела не только к укреплению, но и в ряде случаев, наоборот, к существенной деформации внутрисемейных и межсемейных социальных связей, к росту «отходничества» за заработками в города с нередко последующим ослаблением семейных уз, отрывом от сельского сообщества, к усилению социальных и психологических конфликтов, к социальной атомизации, неготовности объединяться на уровне локальных сообществ для решения социально-значимых задач, к минимизация соседских и межсемейных связей. В сельских районах в последние два десятилетия отмечен существенный рост количества неполных семей, семей, возглавляемых одинокими матерями, увеличивается доля внебрачной рождаемости, что требует особого внимания специалистов, поскольку именно эта категория семей оказывается наиболее социально уязвимой в условиях экономических кризисов и нестабильности [Денисенко М. Б., Николаева У. Г., 2014].

В трансформирующемся российском обществе, особенно в российской сельской глубинке, в том числе на Ближнем Севере, мы обнаруживаем самые различные типологические исторические пласты и уровни социально-экономической организации, на каждом из этих уровней действует своя модель социальной сплоченности: на уровне отдельного домохозяйства продолжают работать механизмы реципрокции, даче-дележа, равного распределения, безвозмездной взаимной помощи; на уровне соседских связей реализуются помогообменные и дарообменные связи, формируется горизонтальная сетевая реципрокная социальная сплоченность; в области мелкого предпринимательства также велико значение родственных, соседских и дружеских взаимосвязей, сетевой сплоченности; на уровнях муниципального и районного администрирования особое значение приобретают родственные и дружеские услугообменные, дарообменные связи, блат, кумовство, клановость. В очень немногих сегментах экономической деятельности в сельской местности (торговля и обслуживание в области современных финансовых и информационных технологий, таких как мобильная связь, интернет, компьютерное обору-

дование, банковские карты) мы обнаруживаем классические рыночные модели рационального поведения, контрактные вформальные заимоотношения, отсутствие архаических форм партнерства. Однако сами эти инфомрационные технологии, мобильная связь и интернет, банковские интернет-операции, используются активно для осуществления нерыночных взаимоотношений взаимопомощи, реализации альтруистических, солидаристских социальных ценностей.

Развитие информационных технологий и глобализации в сельской глубинке в России, развитие мобильных финансовых институтов, как мы наблюдали в наших эмпирических исследованиях, далеко не всегда вытесняет дорыночные и внерыночные экономические отношения. Новые технические и финансовые средства и возможности органично вписываются в базовые реципрокные отношения, не разрушают, а дополняют и даже развивают различные формы социальной солидарности.

Литература

1. *Денисенко М.Б., Николаева У.Г.* Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения (коллективная научная монография) / Под редакцией Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. Москва: «Логос», 2014. С. 73–122.
2. *Николаева У.Г.* Индивидуализм и/или социальная сплоченность. Анализ моделей Homo economicus и Homo sociologicus в экономике и социологии // Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ. Коллективная монография / Под ред. Н.Е. Покровского и М.А.Козловой. – Москва: Университетская книга, 2016. – С. 42–86.
3. *Николаева У.Г.* Экономическая архаика и современность. – М.: Дашков и К., 2005; Николаева У.Г. Vita nuova архаических экономических отношений: Загадки современной российской неформальной экономики. М.: Дашков и К, 2005.

4. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Поланьи К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2010. – С. 36–38.
5. *Семенов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М.: URSS, 2014. – с. 87–95.
6. *Feige, Edgar L.* Reflections on the Meaning and Measurement of Unobserved Economies: What do we really know about the «Shadow Economy»?// Journal of Tax Administration, 2016, Vol. 2, № 1. p. 5–41.

Н.Е. Покровский
НИУ Высшая школа экономики

ИНИЦИАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ВО ВНЕГОРОДСКОЙ РОССИИ[1]

В последние годы продолжается кризис сельских сообществ в большинстве регионов Российской Федерации, особенно в Нечерноземье [Потенциал Ближнего Севера, 2014]. На этом фоне обозначил себя тренд роста так называемой «низовой» активности и самоорганизации общественных движений за «восстановление российской деревни», «за возвращение к сельским истокам», «за подъем внегородских домохозяйств и родовых имений». Для всех этих движений характерны общие черты, в теоретическом и практическом плане анализируемые социологами.

С точки зрения социологии, в рамках современного гражданского общества формируется система коллективных

[1] Статья подготовлена в НИУ Высшая школа экономики при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17–06–00671 «Социальный активизм и самоорганизация в локальных общественно значимых проектах в сельской местности в современной России: социальные контексты, ценностные установки и реальные практики (междисциплинарный анализ)».

действий и организаций, сфокусированных на обсуждении острых социальных вопросов и решении соответствующих жизненных проблем. Инициатива по формированию этих движений принадлежит низовым социальным слоям, относящимся по меткому метафорическому выражению к «корням травы» (grass roots) и охватывающим интересы широких масс, уходящим в глубины социальной структуры общества. Для этих интересов характерен их бытийственный, «экзистенциальный», характер, витальность, массовидность, яркая эмоциональная окраска, а также наличие харизматичных лидеров. Именно эти характеристики делают общественные движения достаточно заметным явлением в поле современного российского социума, прежде всего относящегося к низовым сельским сообществам [Штомпка, 2005].

Сельская Россия, особенно в Центральном регионе Европейской части РФ и регионе Ближнего Севера, относится к зоне социального неблагополучия, отмеченного падением доходов населения, кризисом традиционного сельскохозяйственного производства, разрушением инфраструктуры. На этом фоне все более уверенно звучит голос ряда низовых организаций, генерирующих коллективные действия сельских жителей с целью строительства (или восстановления) прежней «счастливой» жизни. Эти движения, как правило, возглавляются энергичными и хорошо подготовленными лидерами, прекрасно знающими местные условия и обладающими навыками коммуникации с местным населением. Программы этих движений фокусируются не на глобальных целях трансформации всей сельской России, а на политике «малых дел», локальных проектах улучшения повседневности и поиске путей выхода из кризиса без постановки политических задач. Идеологическая риторика этих движений, зафиксированная в программных документах и общественных акциях, отличается повышенным уровнем морализаторства, апелляцией к чувству исторической социальной справедливости (вернее, несправедливости), ограничением критической направленности уровнем местного руководства муниципального уровня, акцентом на программе самоорганизации местных сообществ.

Отметим в этом контексте три наиболее заметные организации и соответствующие им движения, чаще всего фигурирующие в ходе обсуждений данной темы. Это организации Глеба Тюрина «Территориальное возрождение через самоуправление» (ТОС), Василия Мельниченко «Федеральный сельсовет» и движение Магомеда Чартаева.

Глеб Владимирович Тюрин (род. 1960), директор **Института общественных и гуманитарных инициатив** (г. Архангельск), журналист, публицист, имеющий международную подготовку в области бизнеса, стал основателем движения по возрождению русских деревень и крестьянства как такового [Тюрин, 2007]. В основу общей программы движения Глеба Тюрина была положена идея всемерной активизации местного самоуправления, апелляция к самосознанию простых людей («доколе так можно жить»), фокусировка на малых и конктерных проектах, например, очистки деревеского колодца, ремонта дороги местными силами, поддержки уникального малого сельскохозяйственного производства, возрождения фольклорной культуры. При этом Г. В. Тюрин вовсе не противопоставляет себя муниципальным и областным властным кругам, а, напротив, умеет устанавливать с ними действенный контакт, что в итоге приводит к росту его известности. В глазах членов локальных сообществ он выступает защитником и радетелем народной правды, в глазах чиновников – представителем крестьянства, «гласом народа», при этом не нарушающим границ дозволенного. Глеба Тюрина слушают и слышат, как «внизу», так и «наверху». Позиция медиатора сполна реализуется им, в том числе и благодаря продуманным контактам с прессой и заметному присутствию в среде интернета. Деятельность этой организации в основном охватывает Республику Коми, Архангельскую и Вологодскую области. В своем современном состоянии движение Глеба Тюрина, как представляется, достигло своего максимума. Декларативно призывая к возрождению крестьянства и деревень по России в целом, на практике ТОС занял устойчивую позицию на локальном уровне и удачно вписался в контекст местного политического ландшафта по принципу «не больше и не меньше».

Определенную известность приобрела организация (общественное движение) **«Федеральный сельсовет» Василия Мельниченко и Павла Грудинина**, основанная в 2013 году. В. Мельниченко и П. Грудинин в прошлом и настоящем – видные организаторы сельскохозяйственного производства, способные предъявить обществу и государству внушительные достижения своих агроропредприятий. Федеральный сельсовет обладает разветвленной территориальной структурой с отделениями в различных регионах Российской Федерации, аппаратом и немалым оперативным бюджетом. Тесно связанные с известным бизнесменом Константином Бабкиным, владеющим предприятиями, производящими отечественную сельхозтехнику, Мельниченко, Бабкин и Грудинин заявляют в своей декларации: «Село вымирает, но никто не наказан. Настало время объединить наши усилия в защите интересов села. Вместе мы политическая сила, которая вправе требовать и отстаивать свои интересы»[2]. В своей деятельности Федеральный сельсовет реализует, с одной стороны, установку на критику центральной власти по принципу «хороший президент и плохое правительство», с другой стороны, вновь ставится задача защиты интересов села, поиска путей активизации инициативы широких масс сельского населения и реализации программы опоры на свои силы. Сочетая апелляцию к моральному чувству с достаточно утопичными картинами возможного скорого процветания сельской России, Федеральный сельсовет балансирует на грани «позитивного» политического движения, обращающегося главным образом к властям с просьбами и пожеланиями защитить жителей села и инвестировать в отечественное сельхозпроизводство, и активистского движения «малых дел» в практической, низовой сфере. И вновь звучит лозунг «Так жить нельзя», который, впрочем, остается декларацией.

Широкую известность получило движение, связанное с дагестанским экономистом и организатором сельскохозяй-

[2] http://fedselsovet.online/posts/celi-i-zadachi/federalnyj-selsovet-organizovan-v-zashhitu-sela_10012017

ственного производства **Магомедом Чартаевым** (1941–2001), в свое время предложившего и внедрившего систему экономического саморегулирования сельхозпроизводителей, которая сочетала в себе принципы материальной ответственности за свой участок работы с материальным стимулированием, соответствующим эффективности трудового вклада. Эта система, родившаяся и существовавшая на протяжении десятилетий в дагестанском селе Шукты, ныне распространяется в Белгородской и Ленинградской области, в Краснодарском крае и других регионах. Речь идет о так называемом «третьем пути» между жесткой капиталистической (рыночной) конкуренцией и социалистическим коллективизмом, хотя и ушедшим в историческое прошлое, но по-прежнему окруженным в сознании многих сельских жителей ореолом ностальгии. Основой этой модели стал принцип «союз совладельцев-собственникиков». Общественное движение, связанное с М. Чартаевым, имеет не только экономическую, но явно выраженную социальную и даже политическую направленность[3].

Указанные «низовые» социальные движения в сельской местности российских регионов при всей своей возможной несхожести, тем не менее, имеют и общие черты. Их отличают:

1. Умеренность. Умеренный радикализм и столь же умеренная, прежде всего эмоциональная, критика существующего положения дел в сфере сельского хозяйства РФ и в сельских поселениях.

2. Малые дела и «постепеновщина». Убежденность, по преимуществу декларируемая на словах, в том, что все можно улучшить и исправить серией малых дел и частичными реформами в режиме ручного управления «правильными» руководителями, «постепеновщиной», не меняя большой экономической и социальной модели.

3. Скрытая и явная ностальгия по «советским» временам. Вера в то, что внегородские пространства России вновь могут обрести свою прежнюю наполненность относительно процветающими традиционными сельскими поселениями, опира-

[3] http://kopomko.ru/magomed-chartaev-i-chartaevskiy-metod/

ющимися на эффективное сельхозпроизводство и «справедливое» распределение полученных доходов. Прямо или косвенно рисуются картины распаханных полей от горизонта до горизонта, восстановленных ферм КРС и пунктов переработки продукции.

4. Абсолютизация собственного опыта с элементами сектантства. Вера в то, что в рамках одного движения, применением одной модели можно радикально решить все проблема аграрной сферы в масштабах всей страны.

5. Отсутствие реализма, сверх-оптимизм. Игнорирование реалий общероссийских рынков сельхозпродукции, приводящих к смещению на юг РФ основных производств и уход из Центрального района и Ближнего Севера конкурентоспособного рыночного сельского хозяйства.

6. Изоляционизм в восприятии мировых реалий. Решительное неприятие перспектив замещения традиционного и оказавшегося в ряде регионов РФ неконкурентным сельского хозяйства «зеленой экономикой» или иными формами экономической активности, отвечающими общемировым трендам.

7. Харизматичность лидера. Подобные движения начинаются благодаря особым данным харизматичного лидера, который умеет увлечь группу сторонников. Однако такой опыт редко удается тиражировать.

В итоге формы «низовой» активности так и остаются результатом организационных усилий конкретных пассионарных лидеров. Нет оснований полагать, что в перспективе ближайших десятилетий их деятельность приведет к существенным социально-экономическим изменениям в пространстве внегородский России.

Литература

1. *Тюрин Г.В.* Опыт возрождения русских деревень. – М.: Поколение, 2007.
2. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. Т.Р. Гарр. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

Д.С. Яцкова
НИУ ВШЭ

МОЛОДЫЕ УЧИТЕЛЯ – ВЫПУСКНИКИ ВЕДУЩИХ ВУЗОВ В СЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ (АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОГРАММЫ «УЧИТЕЛЬ ДЛЯ РОССИИ»)[1]

Развитие российского общества в эпоху постоянных социально-экономических трансформаций все в большей степени зависит от уровня его гражданского сознания, которое в свою очередь неразрывно связно с творческой, общественно-политической активностью интеллигенции. Ведь именно интеллектуальный, духовно-нравственный потенциал обозначенной социальной группы играет значительную роль в политической, экономической, социальной, культурной жизни современного общества, страны, региона.

Изучение роли интеллигенции в развитии региона невозможно без комплексного анализа формирования данной социальной группы, ее составляющих и роли в жизни общества. Интересным представляется обращение к учительству как к одному из массовых представителей российской интеллигенций, так как мы полагаем, что именно институт школьного образования влияет на формирование будущего активного гражданина общества, на его культурно-нравственный потенциал. Наиболее ярко увидеть роль учительской интеллигенции можно в провинции, ведь именно там сохраняется и передается традиционный жизненный уклад. Происходят преобразования, связанные, во-первых, со «старением» регионов, потому что из-за отсутствия перспективного трудоустройства и возможности реализации молодое поколение уезжает в большие города. В процессе принятия решения о смене места жительства молодежью доминирующими детерминантами выступают экономические, социальные, психологиче-

[1] Тезисы подготовлены в рамках гранта РФФИ 17–06–00671 А «Социальный активизм и самоорганизация в локальных общественно значимых проектах в сельской местности в современной России: социальные контексты, ценностные установки и реальные практики (междисциплинарный анализ)».

ские факторы [Вакуленко В. С., 2013]. Во-вторых, с развитием таких процессов как дезурбанизация, появляются новые сельско-городские сообщества, представленные креативным классом из города, чаще всего временным.

В настоящее время также существует проблема профессиональной нереализованности выпускников высших учебных заведений, их незаинтересованности в построении карьеры по выбранной специальности. Истоки обозначенной проблемы лежат в недоработках школьной системы образования, в программах профориентирования.

На наш взгляд, актуальной проблемой исследования выступают повседневные социальные практики молодых учителей-мигрантов: как они социализируется в новых региональных и профессиональных условиях, каков характер взаимодействия с местными жителями, как организовывают свое рабочее и свободное время. Идентифицируют ли они с себя с интеллигенцией, как реализуют свой потенциал. Какие существуют социокультурные ориентиры в сознании представителей современной интеллигенции. Важно узнать мотивацию к свершению переезда/миграции, отношение к ней. Таким образом, мы сможем выяснить, может ли миграция молодых учителей влиять на воспроизводство региональной интеллигенции. Какие социальные практики вновь прибывших молодых учителей могут оказать влияние на этот процесс? Вместе с тем, важно понять: присутствует ли у новых поселенцев фундаментальный и постоянный интерес к жизни регионального сообщества, к его социокультурной модернизации.

Различные аспекты проблем интеллигенции как социально-профессиональной группы, ее значимость, структура уже давно являются предметом исследования многих отечественных и зарубежных исследователей. Интеллигенция как социально-профессиональный класс рассматривается в трудах А. Гоулнера, К. Маннгейма, Г. Кирилленко, А. Ф. Лосева, Д. С. Лихачева, В. С. Степина. Особое внимание уделяется феномену российской интеллигенции в работах Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина, Н. Е. Покровского, Ж. Т. Тощенко, Г. Силласте, В. В. Тепики-

на, Д. С. Попова и др. Гуманитарная интеллигенция как класс рассматривается В. Ф. Левичевой.

Учителям как одной из наиболее массовых профессиональных групп интеллигенции уделяется внимание в работах В. А. Мансурова, В. Ф. Левичевой, Г. Силласте и др. Потенциал учителей как индивидов рассматривает Ю. М. Рябов.

Основу изучения профессиональных групп, как известно, заложили М. Вебер, Т. Парсонс, профессиональное самоопределение рассматривается в работах Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, И. А. Левицкой. Особое внимание уделяет самоопределению молодежи М. Х. Титма. Подробное изучение профессии наблюдается в работах В. А. Мансурова, О. В. Юрченко. Профессиональной и жизненной траектории у В. И. Ильина, профессиональная реализации уделяет внимание И. Гоффман, профессионализации – В. Нордеграф. Проблема мотивации рассматривается в работах К. Двека, Ж. Гофруа, мотивация преподавать или мотивированность молодых учителей интересует К. Дэвис, У. Мур, А. Маслоу, Н. Н. Зубова, А. Б. Бакурадзе и другие.

Мобильность как один из основных процессов жизни рассматривается в работах М. Вебера, Дж. Урри. Б. Берри; Ф. Филдинг впервые фиксируют дезурбанизационные проявления как тенденцию; Т. Контулли, С. Виард, Р. Фогельзанг разделяют ее на процессы городской децентрализации (миграция из центра в периферийные зоны) и обратной миграции (в сельскую местность). К. Митчелл, М. Сант ставят вопрос об осознанности выбора сельского стиля жизни.

О трансформации под воздействием глобализации социального и социально-экономического пространства периферии, об существенном изменении привычных для селян практик пишет руководитель Угорского проекта Н. Е. Покровский. Данные трансформации проявляются и опосредуются миграциями городских жителей в сельские сообщества Ближнего Севера России, в связи с чем Н. Е. Покровский и Т. Г. Нефедова фиксируют появление нового типа сельско-городских сообществ на территории сельских поселений [Потенциал Ближнего Севера..., 2014].

В исследуемом случае интересным представляется выявить специфику миграций учителей в регионы России, то есть определить, почему молодые люди выбирают такое развитие своего профессионального пути и как они со столичным бэкграундом могут повлиять и реально влияют на провинциальную жизнь. Для нас важным выступает понятие интеллигенции, потому что учительство всегда представляло собой слой этой группы. [«Новая и «старая» интеллигенция, 2012; Попов Д. С., 2016; Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Николева У. Г., 2016].

В настоящее время большинство ученых сходятся во мнении, что упомянутый слой общества отвечает за передачу ценностей и неравнодушен к судьбе своей Родины. Мы будем рассматривать участников программы «Учитель для России», как новый тип учителей, который может быть отнесен к группе интеллигенции.

Эмпирическую базу исследования составили результаты авторского социологического исследования *«„Жизнь и судьба“ молодых учителей в регионах России (на примере проекта „Учитель для России“)»* (1.12.2015–19.03.2017). Тип выборки – «снежный ком», $N = 12$. Методом исследования выбрано неформализованное глубинное интервью с участниками программы «Учитель для России». Для входа в поле и лучшего понимания проблемы был проведен ряд экспертных интервью, $N = 4$. Тип выборки – «снежный ком». Все эксперты – представители сферы образования, два из них представляют команду проекта со стороны организаторов. Исследование проводилось при личной встрече в г. Москва, по Skype и одно было проведено в формате онлайн-переписки, поскольку мощности интернета не было достаточно для других типов общения.

При определении интеллигенции мы опирались на социально-профессиональный подход, так как были заинтересованы в рассмотрении молодых учителей как представителей выше обозначенной группы. В связи с этим на первый план по значимости выходили такие факторы как мотивация, адаптация, профессиональное самоопределение, ценности.

При этом, как упоминалось вначале, именно региональная интеллигенция и образование в настоящее время находятся в затруднительном положении. Данный тезис подтолкнул нас к осмыслению проблемы миграции молодых учителей из села в город и обратной миграции из города в село. При этом перед нами в первую очередь стояла задача рассмотрения миграции молодых учителей из города в село как одну из стратегий воспроизводства региональной интеллигенции.

При проведении эмпирического исследования на конкретном кейсе – молодых учителей, работающих в сельских пространствах по программе «Учитель для России» – мы пришли к выводу о различиях в стратегиях их работы, реализации себя и как личностей, и как профессионалов, и в роли интеллигенции.

Изначально мы предполагали, что участники программы «Учитель для России» выбрали работу в данном проекте, школе и регионе, потому что:

- они хотят изменять те или иные социальные институты, делать их более усовершенствованными,
- они не удовлетворены полученным образованием и не могут/ не хотят профессионально реализоваться;
- они ищут способы изменить свою жизнь, попробовать что-то необычное, отличающееся от заданного пути;

Наши гипотезы были подтверждены, но не всеми информантами. Нами была выделена типология учителей, работающих в программе. Так, третий тип участников, подтвердил второе предположение, дополнив его изначальной незаинтересованной в своей специальности. Первый и второй тип учителей подтвердили первое и третье предположения, но со своими коррективами. Мы не можем сказать, что каждое из наших предположений относится к каждому участнику программы, но и обобщить до всей группы тоже. Типология была выделена на основе жизненных траекторий. Раскрывая поставленную проблему, мы также обратились к самоопределению самих учителей, на основе которого, смогли выделить две группы и одну из них причислить к классу интеллигенции.

Отметим, что самоидентификация, в большинстве своем, выстраивалась изначально на отношении к профессиональному сообществу, а после на исторических характеристиках изучаемой группы.

Данные исследования могут быть использованы для разработки новых программ развития мобильности молодых специалистов в регионы (для их последующей реализации и оценки перспектив). Столичные молодые специалисты, обладая городским габитусом, новым взглядом на региональную жизнь при желании могут повлиять на развитие не только своих индивидуальных траекторий, но и на изменение жизни вокруг себя, то есть осуществить то, что изначально рассматривается как неотъемлемая характеристика интеллигенции, в том числе и по ее «идеальной модели».

Литература

1. *Вакуленко Е.С.* Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. – М., 2013. – С. 14–15.
2. «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. / Под общ.ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2012.
3. *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Николаева У.Г.* Интеллигенция в пространственном измерении внегородской России // Социологические исследования (СОЦИС), 2016, № 12, С. 52–61.
4. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения (коллективная научная монография) / Под редакцией Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. Москва: «Логос», 2014.
5. *Попов Д.С.* Социально-исторический портрет российской интеллигенции. Вопросы истории и теории // Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. Научная монография / Под ред. В. И. Ильина и Н. Е. Покровского / Под общ. ред.: Н. Е. Покровский, В. И. Ильин; науч. ред.: Н. Е. Покровский, В. И. Ильин. М.: Университетская книга, 2016. Гл. 2.1.. С. 161–189.

Е.А. Николаюк
НИУ ВШЭ

ВЛИЯНИЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СМЕРТНОСТЬ: РАНГОВЫЙ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ (ПО ДАННЫМ ВОЗ)[1]

В молодом возрасте проявляются и завершают формирование устойчивые отношения к способам поддержания здоровья и сохранения жизни, которые сопровождают представителей тех или иных поколений в будущем. Закрепившиеся паттерны самосохранительного поведения передаются в дальнейшем от родителей к детям. По мнению многих современных социологов и демографов, модели самосохранительного поведения существенно влияют на продолжительность жизни людей, в том числе на смертность в различных возрастах. Анализ самосохранительного поведения молодежи особенно важен, поскольку позволяет оценить возможность наступления положительных или негативных изменений относительно смертности и продолжительности жизни в ближайшем будущем населения.

Самосохранительное поведение – это система действий человека, направленных на сохранение собственной жизни и жизни окружающих, формируемая под воздействием внешних и внутренних регуляторов, и которая вырабатывает стратегию поведения человека в тех или иных жизненных ситуациях. В более узком значении самосохранительное поведение определяется как система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни. Среди наиболее значимых факторов правильного самосохранительного поведения называют сбалансированное и неизбыточное питание, достаточную физическая активность, отсутствие вредных привычек и зависимостей (курение, алкоголь,

[1] Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – проект № 15–06–08421 «Природные и социальные факторы современных трансформационных процессов в сельских районах Ближнего Севера России: комплексный междисциплинарный анализ» в организации РОО «Сообщество профессиональных социологов».

наркотики), внимательное отношение к своему здоровью (регулярное посещение врачей, прохождение медосмотров) и ряд других.

В данной статье представлены результаты сравнительного изучения самосохранительного поведения молодежи европейских стран и России, в его связи со смертностью как результатом негативных форм поведения молодежи. Задачей исследования стало определение влияние текущего негативного самосохранительного поведения молодежи на уровень смертности. Для этого был проведен ранговый и корреляционный анализ опросных данных Международной программы социальных исследований и статистических данных Всемирной организации здравоохранения (см. табл. на стр. 116)[2].

Был проведен ранговый анализ по 5 параметрам самосохранительного поведения в негативной форме: табакокурение, частое потребление алкоголя, отсутствие физической активности, не посещение врачей за последние 12 месяцев и удовлетворительная или плохая самооценка здоровья. Распределение ответов по странам ранжировалось в порядке убывания, то есть страны, где больше всего людей соглашались с данными негативными утверждениями, получали ранг 1. Далее ранги по всем параметрам были просуммированы. Таким образом, молодое население страны с наименьшей суммой рангов характеризуется высокими показателями негативного самосохранительного поведения. Россия находится на первом месте с наименьшей суммой – 14, причем разрыв от суммы рангов второго места в 61 %. В свою очередь, разрыв между вторым (Литва) и третьим (Великобритания) местом тоже значительный. Эти результаты коррелируют с коэффициентами смертности молодежи, где наибольшие коэффициенты смертности наблюдаются у России и Литвы, а корреляция между коэффициентами смертности и суммарным ранговым показателем – отрицательная 79 %, то есть чем меньше сумма рангов, тем выше коэффициент смертности молодежи.

Молодые включают в понятие здоровья влияние своего поведения и субъективную оценку состояния. Но здоровье

[2] http://www.who.int/healthinfo/statistics/mortality_rawdata/en/

в молодом возрасте является «инструментальной ценность»: молодежь уделяет время и меняет поведение относительно здоровья в том случае, если это необходимо для выполнения ценностей первых приоритетов (получение образования, развитие карьеры, привлечение противоположного пола).

Российская молодежь, как показывает исследование, не только не делает вклад в будущее здоровье и продолжительность жизни, но и существенно недооценивает вероятность наступления рисковых для жизни и здоровья ситуаций. Все эти факторы проявляются в их самосохранительном поведении, а источником формирования установок поведения является структура ценностей молодежи и место здоровья в ней.

Литература

1. *Хасанова Р.Р.* Самосохранительное поведение населения как фактор смертности и продолжительности жизни в трудоспособном возрасте. Современные исследования социальных проблем. № 4(24), 2013. DOI: 10.12731/2218–7405–2013–4–54.
2. *Федоткина С.А.* Здоровьесберегающее поведение подростков и молодежи как основа здоровья будущих родителей. Российский педиатрический журнал, № 3, 2012, с. 46–50.
3. *Русинова* Социальные особенности здоровья в Европе и России: влияние индивидуальных и контекстуальных факторов. Телескоп, № 3 99), 2013, с. 16–31.
4. *Мошкович П.Г.* Особенности самосохранительного поведения российских подростков. Социальные аспекты здоровья, № 4, 2011. Доступно по ссылке: http://vestnik.mednet.ru/content/view/344/30/lang, ru/
5. *Зубаревич Н.В.* Здоровье населения и здравоохранение. Демоскоп Weekly [электронный аналитический журнал] 2010 (419–420). URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0419/analit01.php
6. *Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А.* Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья. Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 112–129.

Параметры самосохранительного

Страна	Распределение ответов, %				
	курят	потребляют алкоголь несколько раз в неделю или каждый день	не занимаются физической активностью	не посещал врачей за последние 12 месяцев	самооценка здоровья «удовлетворительное» или «плохое»
Россия	38,6	5,5	34,7	37,3	22,7
Литва	37,9	4,4	18,7	35,9	20,2
Болгария	48,2	1,0	33,0	42,4	4,2
Великобритания	26,3	6,3	9,1	24,9	18,8
Хорватия	45,6	2,0	14,6	41,2	4,4
Чехия	30,4	7,5	13,5	33,2	2,6
Польша	28,2	4,8	12,6	28,5	12,5
Швейцария	36,2	5,7	5,7	23,1	7,1
Бельгия	20,6	8,4	12,2	14,2	14,8
Дания	26,2	4,7	3,7	23,3	14,7
Португалия	32,4	0,6	13,3	18,4	12,6
Германия	36,5	3,7	8,1	12,7	11,5
Словакия	36,7	0,4	19,8	16,4	4,9
Нидерланды	22,2	3,2	4,3	18,9	16,0
Франция	30,5	2,4	8,8	17,3	9,4
Финляндия	28,5	0,6	2,2	23,3	13,2
Словения	28,0	0,0	1,4	45,5	10,3
Швеция	12,5	2,7	4,4	24,4	6,1
Норвегия	11,8	1,0	0,7	21,2	17,4

Источник: расчеты автора на основе данных Международной программы

Таблица

поведения молодежи в возрасте 15–29 лет

Ранг					Сумма по рангам
курят	потребляют алкоголь несколько раз в неделю или каждый день	не занимаются физической активностью	не посещал врачей за последние 12 месяцев	самооценка здоровья «удовлетворительное» или «плохое»	
3	5	1	4	1	14
4	8	4	5	2	23
1	14	2	2	18	37
14	3	10	8	3	38
2	13	5	3	17	40
10	2	6	6	19	43
12	6	8	7	10	43
7	4	13	12	14	50
17	1	9	18	6	51
15	7	16	10	7	55
8	17	7	15	9	56
6	9	12	19	11	57
5	18	3	17	16	59
16	10	15	14	5	60
9	12	11	16	13	61
11	16	17	11	8	63
13	19	18	1	12	63
18	11	14	9	15	67
19	15	19	13	4	70

социальных исследований, 2011, молодежь в возрасте 18–29 лет.

В.А. Шилова
Иниститут социологии РАН

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ НА РЫНКЕ ТРУДА[1]

После появления мобильного телефона, Интернета, а затем их синтеза – мобильного Интернета. Мы можем наблюдать стремительное нарастание многообразия и частоты коммуникативных практик. Огромное количество специализированных программ «мессенджеров», социальных сетей, специальных программ поиска партнеров, собеседников, попутчиков и так далее, наделенные геолокационными, голосовыми, фото и видео возможностями, позволяют видоизменять и тиражировать коммуникации.

В многообразной, а зачастую агрессивной коммуникативной среде возрастает значение коммуникативных компетенций, которыми обладает человек. Умение правильно выстраивать коммуникации, задействовать разные коммуникативные каналы, владение определенными знаниями и коммуникативными навыками (внимания, запоминания, установления контакта, адекватной интерпретации, соблюдения коммуникативных дистанций и т.д.) позволяют человеку встраиваться в разные социальные группы, продвигаться по статусной лестнице, эффективно используя социальные лифты.

Раскрывая суть модели «клеточной глобализации» Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова делают акцент на проникновении социальных изменений во все микроструктуры общества, разгерметизации закрытых социальных образований. «Быть замкнутым на себе и скрытым от внешнего мира сегодня означает закрыть свое собственное будущее»[2]. По данным Угорского проекта «клеточная глобализация» становится общей

[1] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания № 28.1328.2017/ПЧ по проекту «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе».

[2] *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* «Клеточная глобализация» и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Новые идеи в социологии: монография/ отв.ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013, С. 316

тенденцией, которая заключается в «макроизменениях повседневных практик, обычаев, привычек». В то же время они отмечают, что город и село находятся на разных континентах социального уклада. Таким образом, мы можем наблюдать с одной стороны нарастание глобализационных процессов, с другой стороны их несхожее влияние на жителей городских и сельских территорий.

У. Г. Николаева в работе «Архаика и неоархаика в сельских сообществах Ближнего Севера (вопросы методологии)» анализируя социально-экономические отношения в современных сельских поселениях с точки зрения существующих экономических укладов и форм собственности, приходит к выводу, что одной из главных проблем в развитии сельской экономики Ближнего Севера может считаться: «низкая социальная самоорганизация населения, инертность, отсутствие инициативы, неспособность к эффективной коммуникации и совместному решению проблем; информационная и правовая изоляция населения, минимум информационных и социальных контактов, взаимопомощи представителей соседних деревень и поселков».

Вторичный анализ полученных данных в ходе совместного исследования Института социологии РАН и социологического факультета ГАУГН проведенного по репрезентативной общероссийской выборке в 2015 году, позволил нам рассмотреть отдельные коммуникативные стратегии сельской молодежи на рынке труда.

Проанализировав коммуникативные практики, которые использовала сельская молодежь в возрасте до 30 лет при поиске первого рабочего места, сопоставив их с практиками, которыми пользовалась городская молодежь, проживающая в городах с разной численностью населения (табл. 1), мы можем выделить следующие тенденции: во-первых, самым распространенным каналами поиска работы, как в городе, так и в сельской местности, являются неформальные каналы (поиск работы через знакомых и родственников), таким образов нашли работу 46.0 % ре-

Таблица 1

Сопряженность вопросов «Как респондент устроился на первое рабочее место?» и «В каком населенном пункте респондент проживал большую часть времени до 16 лет?»

	В каком населенном пункте респондент проживал большую часть времени до 16 лет, %					
	В Москве, Санкт Петербурге	В другом большом городе с населением 500 тыс. или более	В городе средних размеров (от 100 до 499 тысяч жителей)	В малом городе (менее 100 тысяч жителей)	Селе, поселке, деревне	Итого
Ответил на объявление предприятия	10,8	8,5	8,1	10,6	7,7	8,8
Ответил на объявление в газете	2,4	7,9	3,8	7,5	5,4	5,7
Через Интернет	19,3	11,9	11,3	5,0	2,9	8,0
С помощью друзей или родственников	45,8	37,3	42,5	43,7	46,0	43,2
Нашел через агентство по трудоустройству		1,7	4,3	4,0	2,9	2,9
По направлению вуза, училища	10,8	6,8	7,0	8,5	5,1	7,0
Меня нашел сам работодатель	2,4	1,1	3,8	3,0	5,8	3,7
Создал это рабочее место сам		2,3	4,3	0,5	1,0	1,7
Самостоятельно предлагал свои услуги разным организациям	4,8	16,9	11,8	12,1	21,7	15.4
Другое	2.4	2,3	1,1	3,0	0,6	1,7
Сейчас не помню	1,2	3,4	2,2	2,0	1,0	1,9

спондентов; во-вторых, в отличие от городов, в сельской местности распространен такой способ поиска работы, как самостоятельное предложение своих услуг разным ор-

ганизациям, так устроились на свое первое место работы 21,7 % сельской молодежи; в-третьих, сельская молодежь практически не задействует при поиске работы современные технологии, в частности Интернет, всего 2,9 % смогли найти работу, задействовав этот коммуникативный канал; в-четвертых, сельская молодежь использует формальные каналы поиска работы (через объявления в газете, направления ВУЗа и др.), но доля успешного поиска не превышает 10 %; в-пятых, самыми неэффективными каналами поиска работы в сельской местности, являются интернет и агентства по трудоустройству.

Проанализировав содержание работы сельской и городской молодежи (табл. 2–3) мы пришли к выводу, что молодежь сельской местности в меньшей степени может самостоятельно планировать содержание и темпы своей работы.

Таблица 2

Сопряженность вопросов «Позволяет ли работа самостоятельно решать, как и что делать?» и «В каком населенном пункте респондент проживал в то время?»

		В каком населенном пункте респондент проживал в то время, %					
		В Москве, Санкт Петербурге	В другом большом городе с населением 500 тыс. или более	В городе средних размеров (от 100 до 499 тысяч жителей)	В малом городе (менее 100 тысяч жителей)	Селе, поселке, деревне	Итого
Позволяет ли работа самостоятельно решать, как и что делать	Да	47,3	41,2	52,8	46,1	37,8	44,8
	Нет	51,4	56,0	44,7	50,0	53,4	51,2
	Затрудняюсь ответить	1,4	2,7	2,5	3,9	8,8	4,0

Таблица 3

Сопряженность вопросов «В какой степени респондент может планировать работу?» и «В каком населенном пункте респондент проживал в то время?»

	В каком населенном пункте респондент проживал в то время?	Итого

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще раз о проблемах и перспективах устойчивого развития Ближнего Севера

VIII Междисциплинарная научная конференция Угорского проекта «Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера России» (13–15 мая 2017 г.) была посвящена обсуждению результатов многолетнего междисциплинарноого исследования социально-экономических, социально-географических и социокультурных трансформаций сельских сообществ Ближнего Севера России. Участниками конференции были специалисты различных наук – социологи, экономисты, социальные географы, демографы, культурологи, историки, социобиологи. Всех участников конференции объединило стремление формировать комплексную картину процессов, происходящих в сельской периферии Нечерноземья.

В рамках проведенной конференции главное внимание было уделено презентации результатов многолетних исследований социально-экономических процессов в регионе Ближнего Севера России, дающих перспективу устойчивого развития этих территорий в современных условиях с опорой на рациональное использование природного капитала и развитие сельских сообществ.

Изучение Ближнего Севера должно базироваться на использовании современных социологических, экономических и социально-географических методов, в том числе новейших методах картографирования и анализа пространственных изменений, включая анализ космических снимков (см., на-

пример, доклад А. А. Медведева). Обсуждались возможности анализа сезонных миграций в помощью данных сотовых операторов (так называемые базы больших данных Big Data).

Моделирование возможных сценариев выхода Ближнего Севера России на поступательное и устойчивое развитие предпринимается учеными Угорского проекта в контексте изучения современной экономики импортозамещения, мониторинга актуальных тенденций миграционных процессов, связанных с расширением использования населением новейших технологий, что обсуждалось на конференции. Макрозадача междисциплинарного исследования – изучение перспектив возможного устойчивого развития сельских районов и сельских сообществ Ближнего Севера России в условиях современной «напряженной» экономической ситуации. Рассматривались модели адаптации советских крупноплощадных форм освоения территории к новым очаговым формам с использованием конструктивных элементов традиционных видов деятельности и новых технологий. Анализировались проблемы маятниковой (отходничество) и сезонной рекреационной (дачной) миграции.

Особое внимание на конференции было уделено и проблемам социокультурного характера – роли социально активных групп сельских жителей, роли приезжающих из городов представителей интеллигенции (молодые учителя, врачи, дачники творческих профессий и др.). Рассматривались также новые формы поселений в сельской местности, состоящих из сельских жителей и представителей городского среднего класса, профессионально работающих в удаленном доступе и образующих новые сообщества (в том числе так называемые «экологические поселения»). Были презентованы исследования тенденций дезурбанизации и дауншифтинга, заявляющих о себе в условиях кризиса мегаполисов и способствующие (в перспективе) возрождению поселенческих образований на Ближнем Севере России.

Одним из тезисов социологов, социальных географов и экономистов стало утверждение, что социально-экономи-

ческие проблемы сельских сообществ российского Ближнего Севера могут получить свое решение только в контексте инновационной экономики и модернизированных форм ведения хозяйственной деятельности. Возврат к прежним видам экономической деятельности (экстенсивные капиталовложения и обезличенное финансирование убыточных проектов) невозможно, и приведут лишь к дальнейшей депопуляции населения. При этом новейшие агротехнологии, применяемые успешными агрохолдингами, оказываются не трудоемкими и не обеспечивают потребностей региона в новых рабочих местах.

Для региона характерна устойчивая депопуляция. Однако темпы и характер сокращения сельского населения в различных районах обладают свой спецификой. Процесс умирания деревень и малых городов может быть остановлен исключительно на основе применения наисовременнейших методов оценки и моделирования реальных экономических и людских ресурсов исследуемого региона. К их числу относится научно обоснованное перепрофилирование хозяйственной деятельности и выявление ресурсов (природных и человеческих), способствующих более эффективному использованию имеющегося трудового потенциала в сельской местности (с учетом отходников) и привлечению новых кадров, обладающих современной профессиональной подготовкой. Приход в сельские поселения новой категории жителей – представителей городского среднего класса постепенно осваивающих сельскую местность в качестве постоянного/маятникового места жительства с использованием удаленной работы фактически указывает на возможную миграцию высокообразованного городского населения в экологически чистые природные зоны, обладающие современной инфраструктурой.

Развитие экономики и поселений в сельских районах Ближнего севера привело к освоению территорий и насыщению их экономической деятельностью, прежде всего, сельским хозяйством. Колхозы и совхозы-гиганты распахивали

большие территории, получая низкие урожаи, и увеличивали, не взирая на высокие затраты, производство мясомолочной продукции. Леспромхозы разрабатывали лесные ресурсы, наполняя пространство лесовывозными дорогами и пилорамами. К этому подтягивалась и остальная инфраструктура в виде разрастающийся сети поселений, учреждений культуры, здравоохранения, торговли и пр. В настоящее время возникают новые форматы экономики и социальной структуры; в рамках Угорского проекта они получили наименование «очаговых».

В понимании участников конференции «очаговая» экономика и социальная структура исходят не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая «точечно» (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет и поддерживает убывающее население и порождает новые или обновленные поселения. Территориальное освоение и восстановление происходит ровно настолько, насколько это экономически рационально. В этом смысле «очаговый» означает реально растущий, рациональный, ограниченный потребностями экономической деятельности, мобилизующий трудовые ресурсы соответствующей квалификации.

Поступательное развитие многих северных районов России предполагает переход от монофункционального сельского или лесного хозяйства к многофункциональной деятельности., учитывая социальные и экологические аспекты. Многофункциональность предусматривает диверсификацию деятельности, широкое развитие ее несельскохозяйственных видов, различных видов несельскохозяйственного бизнеса. Такое развитие несельскохозяйственной деятельности является важным источником поддержания устойчивости развития сельской местности, занятости и доходов сельского населения. Значение многофункциональности было существенным всегда в силу сезонности аграрного труда и невозможности обеспечить интенсивную круглогодичную

занятость работников в сельском производстве. В будущем роль несельскохозяйственной деятельности еще более возрастет по мере сокращения удельного веса сельхозпроизводства в местной экономике.

К основным направлениям развития несельскохозяйственной деятельности в сельской местности, многие виды которой уже существуют в Костромской, Вологодской, Ярославской, Архангельской и некоторых других областей, можно отнести:

- сельский и экологический туризм;
- заготовку и переработку дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья;
- ресурсосберегающие (с учетом сохранения биоразнобразия) охоту и рыболовство и обеспечение связанных с ними услуг;
- бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного («маятникового») городского населения заготовку древесины, деревообработка, производство строительных материалов и строительство;
- хранение, переработку и сбыт экологически чистой сельскохозяйственной продукции (прежде всего, для обеспечения регионального спроса);
- сельскую торговлю и прочее.

Важной целью конференции стала оценка потенциала устойчивости Костромской и Вологодской областей в условиях современной трансформации российского Севера в целом. Здесь важно оценить три вида факторов развития (или, говоря экономическим языком, – виды капитала): человеческий, физический, природный. Если первые два вида капитала и их вклад в общую устойчивость достаточно хорошо изучены в теории и на практике, то системный анализ природного капитала в стране практически не проводится. Это во многом связано с недооценкой экономической теорией природного капитала как в мире, так и в стране. Обычно рассматривается только одна функция природного капитала – ресурсообеспечивающая (земля, вода, лес и т.д.). Такой

подход существенно занижает оценку природного потенциала региона. Как показывают последние исследования в этой области в мире важно оценивать по крайней мере еще три функции:

1) экологические (экосистемные) услуги по поддержанию экологической устойчивости;
2) «духовные» услуги природы (эстетические, культурные, исторические, этические и др. аспекты);
3) обеспечение здоровья человека.

Очевидно, что потенциал Костромской и Вологодской областей по обеспечению всех четырех функций природного капитала огромен. Для экономической оценки этих функций можно использовать различный экономический инструментарий. В частности, перспективен подход «готовность платить», тесно связанный с социологическими исследованиями. Здесь конструктивно использование методик, связанных с различного рода затратными подходами, методы «транспортно-путевых затрат», «гедонистического ценообразования» и др. По экспертным оценкам, например, в Мантуровском района Костромской области сезонная миграция составляет 30–50 % от численности населения района. Приезжие ежегодно тратят сотни тысяч рублей (покупка, строительство и поддержание домов, покупка продовольствия и товаров, транспортные расходы и пр.) для удовлетворения своих потребностей в рекреационных и «духовных» услугах природы, поддержания здоровья и пр. То есть сохранение природы и ее «несельскохозяйственные» функции имеют реальную и очень высокую экономическую оценку.

В наши дни Ближний Север России живет в судьбоносную эпоху. Социальное пространство Ближнего Севера сжимается и словно стягивается концентрическими кругами вокруг областных центров, увеличивая при этом объемы социального вакуума, незаполненного пространства, постепенно занимаемого мутирующими природными формами.

Наряду с этим обозначила себя и совершенно иная, противоположная тенденция. Она связана с расширением мигра-

ции жителей крупных городов, прежде всего мегаполисов, в сельскую местность. На конференции было показано, что рассмотрение перспектив развития современной сельской местности, даже удаленной, без учета сезонного («дачного») населения уже не правомерно. Сезонное городское население на селе не позиционируется в местной жизни как чужеродный элемент, горожане активно в ней участвуют.

Экстенсивное развитие российских мегаполисов, в нашем случае, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, выявило серьезные социальные вопросы, которые прежде не в полной мере принимались во внимание. Речь идет о росте социальных проблем, определяющих конечный уровень качества жизни в городах. В одном ракурсе Москва и Санкт-Петербург предстают в виде процветающих мегаполисов, имеющих весь набор таких социальных аттракторов, как богатая и комфортная («элитная») жилая застройка, торговые сети мировых брендов, лучшие рестораны, медицинские учреждения и прочие реквизиты жизненного стиля высших классов. В другом ракурсе качество жизни в мегаполисах определяется и такими параметрами, как ухудшающаяся экологическая обстановка, рост уличной и иной преступности, неразрешимость транспортной ситуации, замедляющей и снижающей до минимума внутригородскую мобильность, повышение конфликтогенности социальных и межэтнических отношений. Характерно при этом, что в социальном плане преимущества проживания в мегаполисе сполна относятся в основном к высшим классам. В то время как проблемность жизни в мегаполисе относится ко всем его без исключения социальным слоям. Иными словами, факторы повышения качества жизни реализуют себя для существенно меньшей части городских жителей, а факторы понижения качества жизни воздействуют на всех без разбора жителей мегаполиса.

Негативное восприятие города превращается в перспективе в солидаризирующую силу, объединяющую большинство жителей. Еще более кратко: в принципе, в идеале покинуть

город (но, естественно, сохранить работу) хочет все большее и большее число горожан. Это со всей остротой ставит вопрос о позитивной программе возможных действий.

На Ближнем Севере России, в том числе в Костромской и Вологодской областях, обозначает себя пока еще точечный переход от сезонной дачной миграции к миграции оседлой, связанной не только с летней рекреацией, но и с производственной всесезонной деятельностью в рамках современных технологий. Городские жители ищут в экологически благоприятных локализациях на Ближнем Севере то, в чем им отказывает мегаполис. Современные формы труда в сфере информационных и интеллектуальных технологий изначально носили и носят экстерриториальных характер. «Информационщикам» безразлично в какой точке находится их рабочее место, им важно иметь точку подключения к сети, портал входа в гиперпространство и необходимое социально-инфраструктурное обустройство. В этом смысле «негативный мегаполис» естественным образом выталкивает из своей среды достаточно большие массы представителей новых растущих профессиональных групп.

Для представителей этих групп качество жизни уже не определяется целиком и исключительно аттракторами негативного мегаполиса. Напротив, задача состоит в том, чтобы нейтрализовать этот негатив путем пространственной миграции в другую, природно-физически и социально дружественную среду. В перспективе развития этого тренда перед Ближним Севером России открываются новые возможности. Во многом они могут иметь историческое значение. Экологически чистые, ландшафтно привлекательные и, вместе с тем, транспортно доступные районы Тверской, Новгородской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Архангельской областей уже обозначили свою новую социально-экономическую роль, а именно превращение в зоны вторичного заселения выходцами из мегаполисов, ставящими во главу угла высокое экологическое качество жизни в соответствии со стандартами постиндустриального общества.

Этот миграционный тренд, фиксируемый пока еще в основном специалистам-социологам, между тем, требует пристального внимания к себе. Новые формы миграции и формирующаяся на их основе экономика, естественно, не могут и не должны замещать другие формы традиционной экономической деятельности. Но и недооценивать новый тренд тоже было бы неверно.

Ближний Север разнообразен, перспективен, многообещающ. Он требует вдумчивого и рачительного отношения к себе на основе научно обоснованных решений и моделей.

Выводы конференции можно сформулировать следующим образом.

1. Продолжить междисциплинарные исследования социально-экономических, социо-экологических и социокультурных процессов в регионе Ближнего Севера России, а также новых трендов, дающих перспективу устойчивого развития этих территорий в современных условиях с опорой на рациональное использование природного капитала, поддержку экологического равновесия, развитие сельских сообществ.

2. Считать перспективным в решении поставленных задач сотрудничество ученых, представляющих различные направления социальной науки – социологию, социальную географию, экономику, экологию, демография, социальную психологию.

3. Подчеркнуть значение выдвинутых на конференции научных положений, согласно которым изучение Ближнего Севера должно базироваться на использовании современных социологических, экономических и социально-географических методов, позволяющих определить на ранней стадии тенденции возможного возрождение этого региона с особым акцентом на использование экологического капитала и экосистемных услуг. Считать целесообразным дальнейшее развитие методов анализа больших баз данных (Big data), в том числе космических снимков, для анализа мобильности трудовых ресурсов, миграционных потоков, изменений хозяйственной деятельности и экологических природных фондов.

4. Моделирование возможных сценариев выхода Ближнего Севера России на поступательное и устойчивое развитие должно быть предпринято в контексте изучения современной экономики импортозамещения, мониторинга актуальных тенденций миграционных процессов, связанных с расширением использования населением новейших технологий; а также с учетом возрастающей роли возвратной миграции из городов в сельскую местность, то есть – с учетом дезурбанизации.

Н. Е. Покровский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкиева Ксения Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН

Бочкарев Антон Николаевич – младший научный сотрудник Института географии РАН, аспирант географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Гунько Мария Сергеевна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН

Ильин Владимир Иванович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Макшанчикова Алена Юрьевна – аспирант Департамента социологии НИУ Высшая школа экономики

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Медведев Андрей Александрович – кандидат географических наук, заведующий лабораторией картографии Института географии РАН

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Никишин Егор Александрович – аспирант Департамента социологии НИУ Высшая школа экономики

Николаева Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Николаюк Елена Андреевна – соискатель НИУ Высшая школа экономики

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей соци-

ологии НИУ Высшая школа экономики, главный научный сотрудник Института социологии РАН, президент РОО «Сообщество профессиональных социологов»

Попов Дмитрий Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент НИУ Высшая школа экономики

Старикова Александра Вячеславовна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН

Шилова Валентина Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, доцент ГАУГН

Яцкова Дарья Сергеевна – аспирант Департамента социологии НИУ Высшая школа экономики

Научное издание

Покровский Никита Евгеньевич

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Сборник тезисов и материалов
VIII Междисциплинарной научной конференции
Угорского проекта (12–15 мая 2017 года

Конференция и издание осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – грант № 17–06–20062 Г Проект организации VIII Междисциплинарной научной конференции «Социальные науки и перспективы устойчивого развития сельских сообществ Ближнего Севера России»

Редактор *Н.Е. Покровский*
Корректор *О.В. Петрова*
Верстка и дизайн *А.Н. Дубка*

Литературное агентство «Университетская книга»

105120, Москва ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5/7, стр. 8.
Тел.: (495) 981-51-12, 221-50-16

Подписано в печать 05.12.17. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. 8,5 печ. л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98699-268-6